

ЗояБерг

ФИКТИВНАЯ
ЖЕНА
(ДЛЯ БАБУЛИ)

Зоя Берг

Фиктивная жена (для бабули)

<https://litres.ru/74462278>

Аннотация

Бабушка поставила ему ультиматум: женись или акции уйдут на... черепках! Флористка Соня согласилась на фиктивный брак ради спасения студии. Правила просты: короткий срок, никаких чувств, тихий развод. Но совместный быт, одна кровать в голубой комнате, кактус по имени Вася и несносная старушенция вносят свои коррективы...

Ромком про то, как поддельные кольца обретают настоящий вес

Весело, задорно, чувственно ♥#

18+ ХЭ:)

роман пишется в рамках литмоба "Фиктивный брак"

Содержание

Глава 1. Брызги шампанского	4
Глава 2. Идиоты в порядке очереди	9
Глава 3. То самое "предложение"	13
Глава 4. Допрос в теплице	19
Глава 5. Черепахи и портнихи	26
Глава 6. Белье и другие катастрофы	33
Глава 7. Молоко, мерки и боевое крещение	40
Глава 8. Вся семья - это диагноз	47
Глава 9. Пижамы и другие ошибки	53
Глава 10. Теплые руки и холодные предложения	61
Глава 11. Плющ, Африка и зеленый свет	68
Глава 12. Вика и другие неприятности	74
Глава 13. Искусство молчания и другие таланты	81
Глава 14. Долгий разговор и его последствия	91
Глава 15. Правдивый ужин	98
Глава 16. Жить долго и счастливо	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Глава 1. Брызги шампанского

Я не люблю свадьбы. Странно для флориста, да? Ну что поделать, я в принципе «с приветом». По крайней мере мама именно так мне и говорит.

Но как бы я ни брыкалась, если лучшая подруга не только выходит замуж, но еще и шлет умоляющие видосики с текстом: «Сонь, без твоих цветов я выйду замуж с кактусом», приходится сдаваться. Вот и стою я сейчас у входа в лаунж-зону загородного отеля «Уединение» - название, кстати, издевательское, учитывая двести гостей и оркестр, который наигрывает что-то между «Королем-львом» и похоронным маршем.

Мой букет для Кати сейчас отдыхает на кухне в холодильнике: пионы, ранункулюсы, эustoma и - да, хризантемы. Две веточки. Для объема и текстуры. Я их обожаю за скромную гордость. Они не кричат «посмотри на меня», они просто «есть».

Как старый друг, который не лезет с советами, но всегда поддержит...

- Соня!

Вот вспомнишь старых друзей, и они тут как тут.

- Соня, детка, - Катя в фате и счастье мчится ко мне. - Букет потрясающий! Гости спрашивают, где заказывали!

- А ты не стесняйся, - хмыкаю, - Можно сдавать меня пря-

мо с адресом и телефоном.

- Видишь парня у фонтана в сером? - она кивает на высокого брюнета в безупречном костюме. - Это Макс Зацепин. Владелец «Grand Soleil».

- Так это он...? – я обвожу рукой пространство.

- Нет, что ты! – она делает большие глаза. – У них организация свадеб стоит как крыло от самолета. Мы бы такое не потянули. Мой Петька с ними просто дружит, со школы еще. Он тоже букет уже оценил. Так что ты не теряйся, может и поймаешь журавлика.

Я перевожу взгляд на красавчика. Так вот какой ты – владелец лучшего ивент-агентства столицы нашей родины. Было бы, конечно, неплохо... один заказ от них дал бы шанс поправить мой бедный маленький бизнес...

- Ладно, я помчалась, - Катя хихикает и убегает к толпящимся гостям. А я поправляю выбившуюся прядь и решаю проверить цветы. Но сначала можно цапнуть бокал шампанского. Что они тут стоят на столике – выдыхаются.

Подхожу, беру бокал идвигаюсь через двор: мимо гостей, беседки и большой свадебной арки, где вижу его - того самого из «Grand Soleil» - когда успел сюда переместиться? А рядом - две девицы в форме отеля.

- Вы разве не видите, что она установлена криво? – произносит он ровным, безэмоциональным голосом. Как у диктора, объявляющего конец света. – Нужно сместить на пятнадцать сантиметров влево.

- Проблемы с композицией? - спрашиваю, подходя ближе.

Он оборачивается. Глаза цвета дождливого асфальта. Взгляд скользит по моему платью – пестрый сарафан, купленный на распродаже - и останавливается на бокале в моей руке.

- Вы кто? Распорядитель?

- Не, я Соня. Подруга невесты.

- А, флористка. Букет неплох. Хотя...

- Хотя? - я напрягаюсь. Цветы - это про меня. Не про студию, не про бизнес. Про «меня».

- Хризантемы. Их слишком много.

- Две ветки в букете из девятнадцати цветов - это «слишком много»?

- Они перебивают пионы. И выглядят... похоронно.

В горле вспыхивает жар. Я делаю глоток шампанского. Пузырьки царапают нёбо.

- Знаете, в Японии хризантема - символ императорской власти. А в Китае - долголетия. Но, конечно, вам виднее. Вы же только что поставили арку под «идеальным» углом.

- Я говорю о восприятии гостя. Обычного человека. Не знатока японской геральдики.

- Обычный человек сейчас будет орать «горько» и есть шашлык.

«Так, надо сбавить обороты, - пролетает мысль, - Ты же хотела с ним подружиться – бизнес, заказы».

Я откашливаюсь. Потом выдаю свою самую лучшую улыбку.

ку.

- У вас красивый костюм, - ляпаю.

Его бровь приподнимается.

- Благодарю.

- Идеальная посадка. И цвет..., - хочу продолжить я, выдав что-нибудь про то как он подчеркивает глаза. Но тут кто-то (спасибо, дяде Кати с третьей рюмкой?) задевает меня плечом. И золотистая струя из моего бокала летит по дуге, расцветая на груди Макса, как жалкая имитация заката.

Тишина. Только шипение пузырьков на ткани.

Он смотрит вниз. Потом на меня. Его лицо - маска спокойствия, но в глазах - настоящий апокалипсис.

- Это костюм стоит кучу денег, - говорит он тихо. А потом вытаскивает платок (у него есть платок?!), промакивает пиджак и рубашку. Жест четкий, экономный. Без паники. Я должна была бы восхищаться. Но вместо этого ловлю себя на мысли: а он когда-нибудь теряет контроль?

- Простите, - шепчу я.

- Понимаю, случайность, - бурчит.

- Или карма за хризантемы...

- То есть..., - поднимете на меня глаза. - Вы нарочно?

- Клянусь пионами - нет, - выпаливаю.

- Всего хорошего, Соня, - он отступает на шаг. - Увидимся позже.

- Боюсь, да, - вздыхаю. - Свадьба только началась. Да и Катя приглашает меня на все семейные праздники. Включая

похороны.

Его уголок губ дергается. Улыбка? Неужели?

- До свидания, - рычит.

Разворачивается и уходит. А я стою и смотрю ему вслед: на прямую спину, на то, как он не оглядывается. Потом опускаю взгляд на пустой бокал в руке. Вздыхаю. Да уж, теперь мне явно не видать контракта и скорой встречи с великим Максимом Зацепиным.

Только я ошибаюсь. Очень сильно ошибаюсь. Потому что не знаю, что «скоро» наступит через пять дней. И будет пахнуть не шампанским, а черепахами. И десятью миллионами рублей.

Дорогие друзья, рада приветствовать вас в моей новой истории.

Будет весело, задорно, чувственно!

Погнали?))

Глава 2. Идиоты в порядке очереди

Я сижу в студии и думаю о том, где мне взять огромную кучу денег, которые требует банк. Мыслей нет. Есть только кактус, который Катя подарила на открытие с надписью «Пусть растет твой бизнес!».

Кактус, кстати, не растет. Как и мой бизнес.

- Сонь! - Катя врывается в студию под звон колокольчиков, которые висят у меня на двери. В свадебном платье она была хороша. В джинсах и футболке с надписью «Миссис Петька» - еще лучше. Счастливая. С обручальным кольцом на пальце.

- Ты чего тут? – тарашусь. - У вас же медовый месяц!

- Медовый месяц подождет. А ты - нет.

Она ставит на стол два бумажных пакета. Из одного пахнет кофе, из другого - свежей выпечкой. Моя подруга знает, как подкупить человека. Особенно если этот человек не ел уже шесть часов.

- Спасибо, - бурчу я, откладывая ножницы. - Жаль, что это не решит проблему.

- Сколько времени у тебя осталось?

- Через две недели я стану бездомной флористкой без кактуса, но с долгами. Я уже составила список вариантов. Вариант первый: выиграть в лотерею. Вариант второй: выйти замуж за олигарха. Вариант третий: ограбить банк. Вариант

четвертый: продать почку. Вариант пятый...

- Хватит, - Катя кладет руку на мою. - Ты ничего не продашь. И никого не ограбишь. И в лотерею не выиграешь - ты никогда не покупала билеты.

- Вот именно. Поэтому я склоняюсь к варианту номер шесть: лечь и умереть.

Катя усаживается на табуретку напротив. Скрещивает ноги. Смотрит на меня с таким видом, будто сейчас объявит, что она-то вот как раз и выиграла в лотерею миллиард и поделится со мной жалкими десятью миллионами.

- Чего? – тарашусь.

- Один из твоих вариантов...

- Ты решила ограбить банк за меня?

Она смотрит на часы. На ее запястье - новые часы. Красивые. Дорогие. Наверное, свадебный подарок...

- Сейчас узнаешь, - загадочно поджимает губы.

- Сейчас - это когда?

- Прямо сейчас.

Она снова смотрит на часы. И начинает считать.

- Десять.

- Ты рехнулась?

- Девять.

- Я всегда знала, что после свадьбы можно с ума сойти.

Но ты установила новый рекорд.

- Восемь.

- Кать, серьезно, что происходит?

- Семь.

Я начинаю нервничать. В самом деле нервничать. Потому что Катя - не та, кто шутит вот так, без причины. Значит она реально что-то задумала, а это всегда кончалось плохо! Еще в школе...

- Шесть.

Воспоминания о школьных проказах вылетают из головы. Не до них сейчас.

- Ты меня пугаешь, - честно признаюсь.

- Пять.

- Я сейчас позвоню Петьке. Скажу, что его жена сошла с ума.

- Четыре.

- Кать! Это идиотизм!

- Три.

Она улыбается. Широко. Как кошка, которая только что съела канарейку.

- Два.

- Я тебя ненавижу.

- Один...

Дверной колокольчик звенит.

И в студию входит он.

Высокий. Красивый. В костюме. Не в том, что я облила, но явно тоже очень дорого. С лицом, на котором написано: «Я здесь не по своей воле, но я справлюсь». Глаза - все те же. Цвета дождливого асфальта. Волосы - аккуратно уложены.

Руки - в карманах брюк.

Макс Зацепин.

Я смотрю на него. Потом на Катю. Потом снова на него.

- Что за херня? - спрашиваю я громко, честно, без цензуры.

Катя встает с табуретки. Подмигивает мне. Потом ему.

- Ну я пошла, - говорит она. - А вы тут пообщайтесь.

- Кать! - Я хватаю ее за руку. - Что происходит!

- Он - решение твоих проблем. Ты - решение его проблем.

Все честно.

- Он что, принес мне чемодан с наличными?

Катя смеется. Высвобождает руку. Идет к двери.

- Спроси его сама, - бросает через плечо.

И уходит.

Я стою. Смотрю на Макса. Он смотрит на меня. В студии пахнет цветами, кофе и неловкостью. Много неловкости.

- Вы мне денег дадите, да? - наконец спрашиваю я.

Он качает головой.

- Тогда зачем вы пришли?

Он делает шаг вперед. Потом еще один. Останавливается в двух метрах. Складывает руки на груди. Смотрит сверху вниз. Как учитель на отстающего ученика.

- Мне надо жениться.

Глава 3. То самое "предложение"

- Вам надо жениться? - я фыркаю. От смеха, от непонимания, от всего сразу.

- Да, - голос абсолютно ровный, без тени насмешки.

- Вы что заразились идиотизмом у Катьки?

- Простите?

- Да так, - пожимаю плечами. – Что-то просто день сегодня... странный. Так что там про свадьбу?

- Я хочу жениться... на вас.

Мне кажется, что внутри студии внезапно становится как-то невыносимо тихо. Так тихо, что слышно, как где-то на улице проезжает машина, как тикают часы в коридоре. И как бьется мое сердце - слишком громко, слишком быстро.

Я моргаю.

- Повторите?

- Мне нужно жениться. И ваша подруга сказала, что вы - подходящий вариант.

Я смотрю на него. Долго. Внимательно. Потом подхожу к раковине, беру пульверизатор, возвращаюсь обратно и... брызгаю в него. Он не двигается. Только моргает. Капли воды стекают по его щеке. По подбородку. На воротник рубашки...

«О, дежавю! Только не с шампанским...».

- Это, - откашливается, - Что было?

- Проверка. Я хотела убедиться, что вы не галлюцинация.
- Я не галлюцинация.
- Жаль.

Он лезет в карман и достает – да, платок. У него снова есть платок. Кто вообще носит платки в наше время? Вытирает лицо, складывает, убирает обратно.

- Ваша подруга, - тон совершенно невозмутимый, вот же непрошибаемый тип! – Подруга Катя, - зачем-то уточняет, - Сказала, что у вас проблемы с банком.

Пялится. Молчит.

- У меня проблемы со всем, - вздыхаю. - Но банк - самая большая из них.

- Десять миллионов, верно? Я могу их дать.

Я замираю. Смотрю на него. В этот раз - без смеха. Без сарказма. Просто смотрю.

- За что?

- За брак. Фиктивный. Какое-то время. Недолго. Потом развод. Деньги остаются у вас. Я получаю то, что мне нужно.

- А что вам нужно?

Он молчит. Смотрит в окно. Потом снова на меня.

- Это не ваше дело.

- Слушайте, господин Зацепин, - я скрещиваю руки на груди. - Если вы хотите, чтобы я вышла за вас замуж, то как будто бы стоит сказать, чего вы хотите *на самом деле*.

Он смотрит на меня. Долго. Пристально. Потом вздыхает.

- Моя бабушка, - замолкает.

- Что - бабушка?

- Она... умирает.

Слово висит в воздухе. Тяжелое. Неловкое.

- Простите, - говорю я тише.

- Не надо. Она сама так говорит. «Умираю, Максимушка, не тани с женитьбой».

- То есть... она не взаправду умирает?

- К сожалению, у нее и правда есть диагноз. Прогнозов не дают, но времени... не очень много.

- Какой вы... хороший внук, - говорю я искренне.

Он морщится.

- В завещании условие, - продолжает почти также бесстрастно. - Все свое состояние - а это акции моей компании, почти пятьдесят процентов - она оставляет мне. Но... только если я женюсь до ее смерти.

Я теряю дар речи. Вот тебе и «прекрасный внук».

- Поэтому мне нужно жениться. Свадьба должна быть «настоящей». С гостями. С фотографиями. С объятиями. Она не примет бумажку из ЗАГСа без доказательств.

- Почему я? - спрашиваю я.

- Ваша подруга сказала, что у вас проблемы с деньгами. Это бизнес-предложение. Не романтика. Не любовь. Просто... сделка.

- Какие условия?

- Совместное проживание. Появление на семейных мероприятиях. Выходные должны проводить у бабушки. По-

том... ну когда... она... это будет недолго скорее всего... я даю вам развод. Это не идеально. Но это решение. Ваше. Или нет. Решайте.

Я оглядываюсь. На свою студию. На цветы. На кактус в углу. На будущее, которое заканчивается через две недели.

- Вы невыносимы.

- Я знаю.

- Вы критиковали мои хризантемы.

- Они правда выглядели похоронно.

Я смотрю на него. И вижу - он не шутит. Ему правда это нужно. Не потому что я красивая или умная. А потому что я - решение.

- Ладно, - говорю я.

- Ладно - это «да»?

- Ладно - это «я подумаю».

Он кивает. Достает визитку. Кладет на стол рядом с недо-
еденным круассаном.

- Подумайте быстро. У меня нет времени.

И уходит. Дверной колокольчик звенит. Я стою одна. В студии пахнет цветами и кофе. На столе - визитка. Макс Зацепин. Grand Soleil. Я беру ее. Переворачиваю. На обратной стороне нацарапано от руки:

«Десять миллионов сразу как будут подписаны бумаги».

Я смотрю на визитку. Потом на кактус.

- Ну что, кактус, - говорю я. - Кажется, я выхожу замуж.

Роман пишется в рамках литмоба “Фиктивный брак”

<https://litnet.com/shrt/gKjP>

ФИКТИВНИ БРАК

СНАЧАЛА ДОГОВОР
ПОТОМ ЧУВСТВА

Глава 4. Допрос в теплице

Я не люблю богатых людей. Хотя нет, это неправда. Я их просто боюсь. Потому что на их фоне я начинаю думать о том, что вся моя жизнь - это какая-то жалкая пародия на нормальную. А такие мысли очень страшные.

Дом бабушки отличная иллюстрация к этим мыслям - трехэтажный, с колоннами, фонтаном и садом, в котором явно работает целый штат садовников. Все кажется идеальным и немного ненастоящим - как декорация к сериалу про олигархов.

- Ты часто бываешь здесь? - спрашиваю я, пока мы идем по вымощенной плиткой дорожке.

- Раньше - да. Теперь реже.

- Почему?

Он не отвечает. Просто смотрит на дом.

Мы подходим к двери. Макс звонит в звонок. Звук - как колокол. Глубокий, звонкий, с претензией на вечность. Дверь открывает женщина в черном платье и белом фартуке. Горничная. Настоящая! Я думала, их больше не существует.

- Максим Петрович! - говорит она с улыбкой. - Проходите пожалуйста.

Мы проходим. Я смотрю по сторонам: мрамор, дерево, картины в золоченых рамах. Люстра - размером с мою кухню. Ковер - мягче, чем моя кровать. Я чувствую себя как в

музее. Или в чужом доме. Хотя это одно и то же.

- Максим! - раздается голос.

И я вижу ее. Маленькая, хрупкая, с идеально уложенными седыми волосами. Платье цвета бордо, жемчужное ожерелье и туфли на низком каблуке. Выглядит лет на шестьдесят. Хотя Макс сказал, что ей семьдесят восемь.

- Бабуля, - говорит Макс. - Познакомься. Это Соня.

- Очень приятно, - говорю я. - Я...

- Моя невеста, - перебивает Макс. - Мы решили пожениться.

И тут мне кажется, что взгляд бабушки становится не хуже рентгена.

- Прекрасно, - произносит она таким тоном, что слово обретает ровно противоположный смысл. – Ну что ж, проходите.

Мы церемонно входим в гостиную. Рассаживаемся. Макс - в кресло напротив нее. Я - на диван. Мягкий. Такой мягкий, что я сразу проваливаюсь в него чуть не по локоть.

- Где вы познакомились? - спрашивает бабушка.

- На работе, - говорит Макс.

- На свадьбе, - говорю я.

Бабушка поднимает бровь. Макс кашляет. Я чувствую, как краснею.

- Ну, в смысле... - начинает Макс. - Мы организовывали свадьбу. Соня - флорист.

- А, понятно, - говорит бабушка. - Цветочница.

Слово звучит как оскорбление.

- Да, - говорю я, приподнимая подбородок. - Цветочница.

Бабушка кивает. Смотрит на Макса. Потом снова на меня.

- У вас красивые руки, - говорит она.

- Спасибо.

- Вы играете на пианино?

- Нет.

- Жаль. У меня есть рояль. Стерлинг. 1923 года.

Я киваю. Не знаю, что сказать. Рояль Стерлинг 1923 года

- это, наверное, важно. Но для меня это просто слова.

- Бабуля, - вмешивается Макс. - Может, чаю?

- Чай - это хорошо, - говорит бабушка. - Сходи на кухню, дорогой. Попроси Анну приготовить. И пирожные. С миндалем.

Макс бросает взгляд на меня. Я ору внутри себя «не бросай меня с нею одну!».

- Может быть мы вместе с Соней..., - начинает он.

- Вдвоем отдать распоряжение? – голос бабушки полон такого искреннего недоумения, что аж скулы сводит.

- Я скоро вернусь, - кладет свою руку мне на ладонь.

- Не спеши, - выдавливаю из себя улыбку.

Он уходит. Мы остаемся с бабушкой вдвоем. В гостиной становится тихо. Очень-очень тихо. Я слышу, как тикают часы на стене, как поскрипывает паркет. И тут она неожиданно встает.

- Соня! Нам нужно прогуляться.

- Да?

- Да. Я покажу вам свою теплицу.

- Теплицу?

- Да. У меня там орхидеи. Коллекция. Самая большая в Москве.

Я киваю, выбираюсь из диванных объятий и покорно топаю за ней

- Вот, - бабушка открывает дверь большого стеклянного дома. - Моя гордость.

Мы заходим внутрь. Воздух - теплый, влажный, пахнет землей и цветами. Орхидеи - везде. На полках, на столах, на стенах. Белые, розовые, фиолетовые, желтые.

- Вы любите орхидеи? - спрашивает бабушка.

- Они красивые, - отвечаю я.

- Но не ваши любимые?

- Мои любимые - хризантемы.

Она смотрит на меня. Снова этот рентгеновский взгляд.

- Хризантемы, - повторяет она. - Интересно.

Я молчу. Смотрю на орхидеи. Красивые. Идеальные. Как все в этом доме.

- Сколько вам лет, Соня? - спрашивает бабушка.

- Двадцать два.

- И что вы делаете в двадцать два?

- Работаю. Живу. Стараюсь не умереть.

Она кривит губы в улыбке.

- Умная, - говорит она. - Макс любит умных.
- Я не умная. Я честная.
- Это одно и то же...
- Нет. Умные врут красиво. Честные - некрасиво.

Бабушка издаёт короткий смешок.

- Где вы живете? - спрашивает она дальше.
- В Москве.
- Где именно?
- На юге.

Она снова смотрит на меня – долго, внимательно.

- Вы не любите отвечать на вопросы?

- Я не люблю отвечать на вопросы, которые не касаются спрашивающего, - вырывается из меня.

«*Черт, похоже дело плохо*», - пролетает мысль. Но меня уже несёт как корабль по бурным волнам.

- Макс сказал, что вы флорист.
- Да.
- У вас свой бизнес?
- Был.
- Что значит «был»?
- Значит, скоро не будет.

Она молчит. Смотрит на меня. Потом отводит взгляд.

- Вы знаете, сколько лет моему внуку? - спрашивает она стеклянную стенку.

- Двадцать восемь, - за стенку отдуваюсь я.
- Он вам нравится?

- Он... нормальный.

- Нормальный - это не ответ, – опять прямой взгляд.

- Он умный. Успешный. Красивый. Что еще нужно?

- Любовь, - вздыхает. - Нужна любовь.

Я замираю. Смотрю на нее. Она смотрит на меня. В ее глазах... злость? Вроде нет... Скорее печаль.

- Вы его любите? – прямо в лоб.

- Мы...

- Не врите мне, Соня, - перебивает. - Я старая. Я все вижу.

Я молчу. Не знаю, что сказать. Потому что правда - это не то, что она хочет услышать. А ложь - это не то, что я умею говорить.

- Я... - начинаю я.

- Вы хотите детей? – опять перебивает.

- Что?

- Детей. Внуков. Для меня. Для него. Для вас.

- Я...

- Вы против детей?

- Нет. Я не против.

- Но и не за?

- Я не думала об этом.

- Почему?

- Потому что у меня нет времени думать о детях. У меня есть время думать о том, как заплатить за аренду. И за кредит. И за еду.

Она кивает. Медленно. Задумчиво.

- Вы малообеспеченная, - тянет, - А мой внук богатый человек... Вы думаете, это сработает?

- Что - это?

- Брак. Без любви. Без общей почвы под ногами. Без детей.

Опускаю глаза. А что тут скажешь? Сдать Макса? Но... похоже не только мне нужна помощь, но и ему. При такой-то бабуле.

- У вас слишком много «без», - говорю я наконец.

- Да? – щурится.

- Я не знаю как у нас сложится..., - начинаю я.

- Но, - встревает, - Ясно одно: вы ему точно не пара.

Глава 5. Черепахи и портнихи

Машина плавно скользит по трассе. За окном - сосны, асфальт, фонари цвета апельсина. Внутри – что-то похожее на тяжелый и густой кисель. Я смотрю в окно. Макс смотрит на дорогу. Его пальцы сжимают руль. Белые костяшки. Напряженные вены на руках.

- Какая ужасная женщина твоя бабушка, - говорю я наконец.

Макс не отвечает. Его челюсть сжимается. Разжимается. Снова сжимается.

- Seriously, - продолжаю я. – Бабушки... они же... про пирожки и вязание. А твоя... твоя как инквизитор. И платье, кстати, бордо. Чем не мантия, в которой сжигали ведьм?

- Она пожилой человек.

- Пожилой человек, который спросил меня про детей через пятнадцать минут знакомства. И назвала цветочницей таким тоном, будто я пришла продавать веники на паперти.

- Она... такая.

- «Такая» - это мягко сказано.

- Соня.

- Что?

Он поворачивается. Коротко. На долю секунды. Потом снова смотрит на дорогу.

- Хватит.

Голос такой как будто я наступила на что-то, что лежало под ковром и о чем не принято говорить вслух.

Вздыхаю, смотрю в окно. Молчим. Трасса заканчивается, начинается город. И пробка. Вот всегда так – въезжаешь в Москву и встаешь на первом светофоре. Красный, потом зеленый, потом снова красный. Молчать становится совсем неловко.

- Прости, - говорю я.
- Не надо.
- Нет, надо. Я сказала грубо.
- Ты сказала честно.
- Это одно и то же.

Он фыркает. Пробка не рассасывается. Макс барабанит пальцем по рулю - один раз, два, три. Потом останавливается. Я уже поняла: это у него признак того, что внутри что-то происходит, а снаружи он это не показывает.

- Может, зря мы все это затеяли? - говорю я тихо.

Он молчит.

- Макс.
- Не зря, - отрезает.
- Она тебя ненавидит. Меня она тоже уже ненавидит. Это прямо отличный старт для убедительной свадьбы.
- Она никого не ненавидит.
- Ну да, конечно. Она полна любви к этому миру, - ляпаю я.

«Черт, опять что ли извиняться...?».

- Макс? - разворачиваюсь к нему. Он смотрит на дорогу. Профиль - четкий, закрытый. Как у человека, который давно привык держать лицо.

- Зачем все это тебе? - спрашиваю. - Твой бизнес прет. В деньгах ты явно не нуждаешься...

- Если я не выполню условие, - голос ровный, бесстрастный, - Она утопит меня. Не из злости, а из принципа. И весь мой капитал уйдет на корм черепахам.

Я моргаю.

- Черепахам? Каким черепахам?

- Морским.

Внутри меня зарождается крайне неуместный сейчас смех.

- Это метафора? – хрюкаю я, не в состоянии сдержаться.

- Бабушка в молодости была морским биологом. Занималась защитой морских черепах - логгерхед, зеленых, кожистых. Объездила полмира. Галапагосы, Шри-Ланка, Коста-Рика. Потом вышла замуж за дедушку, переехала в Москву. Но страсть никуда не делась. Лет двадцать назад основала фонд «Черепахи без границ».

- Как-как?!

- Так-так, - он хмыкает. - Фонд. С офисом, штатом и международными программами - да.

- И она хочет забрать у тебя деньги и...

- Да. Сорок девять процентов акций. Фонд получает право голоса в совете директоров. Дальше рисуй сам.

Я рисую. Картина получается живописная.

- То есть твоим бизнесом будут управлять черепахи, - опять хрюкаю я.

Он морщится.

- Это самое странное, что я слышала в жизни, - выдыхаю, наконец-то поборов смех.

- Добро пожаловать в мою семью.

Светофор снова зеленый. Машина наконец трогается и мы начинаем ускоряться. Я думаю про орхидеи, про рентгеновский взгляд, про «вы ему не пара», про черепах. Все это складывается в какую-то абсурдную, но очень четкую картину.

- Почему она вообще так с тобой? - спрашиваю я.

- Что - «так»?

- Ультиматумы. Условия. Зачем ей это?

Он молчит. Пальцы снова барабают по рулю. Раз, два, три.

- Потому что, - говорит наконец, - я занимаюсь не тем, чем она хотела.

- А чем она хотела?

- Научкой. Биологией. Она думала, я пойду по ее стопам. Морские экспедиции, исследования, черепахи. Я выбрал бизнес. Ивент-агентство. Она до сих пор считает, что я предал что-то важное.

- А ты как считаешь?

- Я считаю, что каждый человек сам выбирает, чем ему

заниматься.

Мы едем. Я думаю. Он занимается не тем, чем хотела бабушка. Бабушка придумала ультиматум, чтобы хоть как-то удержать его рядом - через свадьбу, через семью, через «дай мне хотя бы это». Может, и не черепахи ей нужны. Может, просто внук. Просто - рядом.

Но вслух я этого не говорю. Не мое дело.

- Макс, - говорю я вместо этого.

- Что.

- Я помогу тебе.

Он смотрит на меня коротко.

- Ты уже согласилась. Договор подписан.

- Нет. Я не про договор. Я про бабушку. Отобьемся от нее вместе. Убедим, что все настоящее, - улыбаюсь. - Заодно и мой салон спасем. Все при деле.

- Ты говоришь «отобьемся» как будто мы идем на войну.

- А разве нет?

Он молчит секунду.

- Она не враг.

- Я знаю. Но она противник. Разве нет?

Уголок его рта чуть двигается. Я уже научилась распознавать этот признак. Для Макса Зацепина это - смех.

И тут в кармане его пиджака вибрирует телефон. Он бросает взгляд на экран, нажимает на кнопку на руле.

- Слушаю.

- Максимушка, - голос бабушки в динамиках заполняет

весь салон - четкий, уверенный, без малейших признаков усталости после двух часов допроса. - Ты где?

- В машине. Мы еще едем.

- Отлично. Я хотела предупредить. Завтра утром я при-
шлю к вам Людмилу Степановну.

Макс слегка напрягается.

- Кого?

- Портниху. Лучшую в Москве. Снять мерки для свадеб-
ного платья. В десять утра. И пусть Соня к этому времени не
только проснется, но и будет готова принять Людмилу Сте-
пановну. Как полагается! Ты меня понял?

- Подожди, - говорит Макс. - Мы еще не обсуждали...

- Свадьба через шесть недель. Обсуждать больше нечего.
Платье нужно шить сейчас - иначе не успеем. Все, целую.
Спокойной ночи.

Щелчок. Тишина.

Мы с Максом смотрим друг на друга.

- Шесть недель, - говорю я.

- Слышал.

- Она сказала «к вам». К нам - это куда?

Пауза.

- Ко мне. - Макс смотрит на дорогу, вцепившись в руль
обеими руками. - Придется тебе сегодня остаться у меня.

Приглашаю вас в еще одну новинку нашего литмоба
Энди Дорн «Мой (не)настоящий муж»

ФИКТИВНЫЙ

Фик
Реал
И та
кота
всё р

Глава 6. Белье и другие катастрофы

Его кровать - это издевательство. Нет, серьезно. Матрас как облако, подушки принимают форму головы, простыни такие гладкие, что как будто скользкие. В хорошем смысле. В том смысле, когда ложишься и думаешь: вот она идеальная постель!

Я лежу уже час. Не сплю.

Потолок у Макса тоже дорогой. Высокий, белый, без единого пятна. Мой потолок дома - с желтым разводом в углу, который появился три года назад после потопа от соседей сверху. Я его называю Африкой. Иногда он меня успокаивает.

Этот потолок не успокаивает. Он просто белый. Идеально, невыносимо белый.

- Спи, - говорю я себе.

Не сплю.

За стеной - тишина. Макс показал спальню, а потом как настоящий джентльмен ушел на диван в гостиной. Без лишних слов. Просто - «спокойной ночи», и все. Как будто у него каждую неделю в спальне ночует малознакомая флористка, которую он собирается взять в фиктивные жены.

Может, и каждую.

Я переворачиваюсь на бок. Потом на другой. Потом на спину. Белый потолок.

Думаю про бабушку. Про «вы ему не пара». Про черепах. Про портниху, которая придет в десять утра и будет снимать с меня мерки для платья, в котором я выйду замуж за человека, который сегодня купил мне чай в час ночи через доставку - молча, без комментариев, просто потому что я захотела чаю, а у него не оказалось.

Черный обычный. Черный с бергамотом. Зеленый. Ромашковый. И с мятой. Теперь у него тут практически чайная плантация.

Я смотрю в потолок.

"Это временно, - говорю я себе. - Зато - деньги и студия. Потом все обратно - своя кровать, свой потолок с Африкой, своя жизнь".

Очень убедительно.

Встаю.

На кухне темно. Я не включаю верхний свет - тыкаю выключатель маленькой лампы над плитой, и кухня обретает вид уютный и немного нереальный. Янтарный такой. Как в кино про чужую жизнь. Нахожу стакан. Набираю воды из фильтра - фильтр, конечно, встроенный. Несомненно. Пью. Смотрю в окно.

Москва не спит. Огни, огни. Красиво, если честно. С такой высоты - красиво.

- Не спится?

Я роняю стакан. Не разбиваю - он пластиковый, отскакивает от столешницы и летит куда-то под ноги.

Макс стоит в дверях кухни. Домашние штаны, футболка.

А я - в том, в чем есть. А есть на мне: майка на бретельках и трусы в мелкий цветочек. Хризантемы, если быть точной. Я их покупала без всякой задней мысли, просто понравились, но сейчас это кажется каким-то вселенским издевательством.

Смотрит на меня. Взгляд скользит - быстро, но я замечаю - сверху вниз. Останавливается где-то в районе хризантем на трусах. Потом смотрит на окно.

- Красивый вид, - говорит он.

- Я польщена.

- Я про Москву.

- Я тоже.

- Ты мог предупредить, что идешь, - говорю я.

- Я живу здесь.

- Ты должен был постучать.

- В дверной проем?

Я смотрю на него. Он смотрит на меня. В янтарном свете над плитой у него совершенно невозможное лицо - спокойное, чуть насмешливое. Красивое. Высокие скулы, точный нос, полные губы, серые острые глаза. Волосы не уложены - первый раз вижу его с неужоженными волосами, и это неожиданно симпатично...

«Стоп», - говорю я себе.

- Ты вообще зачем встал? - спрашиваю я.
- Хотел воды.
- Ночью.
- Обычно ночью это называется «хочу пить».

Он проходит к холодильнику. Достает минералку. Наливает стакан. Пьет, стоя у столешницы, спиной ко мне - и я понимаю, что это, наверное, вежливость. Но почему-то это раздражает.

- Макс.
- Что.
- Не надо так.
- Как?
- Деликатничать. Я не в обмороке.

Он оборачивается. Смотрит на меня.

- Я просто пил воду.
- Ты отвернулся.
- Ты стоишь в нижнем белье на моей кухне. Я подумал, что ты предпочтешь...

- Я предпочту, чтобы ты вел себя нормально, - перебиваю я. - Нам придется вместе жить. Если ты каждый раз будешь отворачиваться и деликатничать, я сойду с ума.

Он смотрит на меня. А потом вздыхает и произносит:

- У тебя хризантемы на трусах.
- Я знаю.
- Ты их везде используешь.
- Они мои любимые.

- Бабушка скажет, что это похоронно.
- Бабушка не увидит мои трусы.
- Хочется верить.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня. В кухне тихо - только холодильник гудит на низкой ноте, и далеко внизу шумит ночная Москва.

- Почему ты не спишь? - спрашивает он.
- Потолок белый.
- Что?

- У меня дома на потолке пятно. Я его называю Африкой.

Без него не засыпаю.

Он молчит секунду.

- Ты серьезно?
- Абсолютно.
- Тебе нужно пятно на потолке?

- Мне нужна моя привычная обстановка. Пятно - часть ее.

Макс смотрит на меня с выражением, которое я уже начинаю каталогизировать. Это номер три: «я не понимаю, как ты устроена, и это меня беспокоит».

- Хочешь, я что-нибудь нарисую? - спрашивает он.
- В съемной квартире?
- В своей.
- Макс. Нет.

- Тогда не знаю, чем помочь.

- Ничем. Я просто попила воды и иду обратно.

Я подбираю стакан с пола. Ополаскиваю. Ставлю на место.

Все это - с максимально возможным достоинством, которого у человека в хризантемных трусах исчезающе мало. Иду к двери.

- Соня.

Останавливаюсь. Не оборачиваюсь.

- Что.

- Портниха приходит в десять.

- Я помню.

- Наверное она будет расспрашивать...

- Бабуля захочет версии сверить? Логично. Давай придерживаться того, что уже наплели. Свадьба Кати. Мой букет. Арка, которая стояла криво и бокал шампанского на твоём супер-костюме.

- Соня..., - вздыхает.

- Это романтическая история, Макс, - фыркаю. - Флористка и владелец агентства. Случайная встреча, искры, судьба.

- Шампанское на костюм - это искры?

- Конечно. Отличная деталь. И главное - настоящая.

Он смотрит на меня. В янтарном свете, с неуложенными волосами, со стаканом воды в руке - и снова этот уголок губ, который почти, совсем почти приподнялся.

- Иди спать, - говорит он.

- Спокойной ночи, Зацепин.

Я возвращаюсь в спальню. Ложусь. Смотрю в белый потолок.

"Хризантемы, - думает где-то в голове Макс Зацепин. -

Похоронно".

Я улыбаюсь в темноту.

Засыпаю.

Глава 7. Молоко, мерки и боевое крещение

Я просто нажала кнопку. Одну. Кнопку.

Ту, на которой нарисована пенка. Ну я так подумала – что это пенка, но если честно, особо не всматривалась. И в ту же секунду кофемашина издала звук, похожий на боевой клич, и выстрелила. Белой белой, горячей, абсолютно безжалостной струей молока.

По столешнице. По стене. По моей футболке. По потолку – как, каким образом, физика, объясните мне?

Я стою и смотрю на это секунду. Потом начинаю орать.

- А-а-а! Выключи! Где выключается! Макс!

Молоко не останавливается. Я бросаюсь к машине, нажимаю все кнопки подряд – молоко меняет направление, теперь оно летит влево, на холодильник. Я нажимаю еще – оно летит вправо.

- Не трогай кнопки!

Макс возникает в дверях. С видом человека, который абсолютно не готов к тому что сейчас происходит у него на кухне. Ни психологически, ни морально. Два шага – и он жмет одну кнопку – ту, которую я почему-то ни разу не тронула. Молоко останавливается.

Тишина. Только со столешницы капает на пол. Кап. Кап.

Кап.

- Я же просил, - почти рычит, - Не трогать кофемашину.
- Я просто хотела сделать кофе! - я обвожу рукой кухню.
- Вот, сделала.

Он смотрит на меня. На белую каплю у меня на носу. На потолок.

- Людмила Степановна приходит через двадцать минут, - говорит он.

- Я знаю!

- Бабушка сказала встретить ее как полагается.

- Я знаю!!

- Вся кухня в молоке.

- Макс, - говорю я очень спокойно. - Если ты сейчас не прекратишь говорить очевидные вещи, я тебя убью, а труп сдам бабушке. Она найдет, чем меня вознаградить.

- Сейчас принесу тряпку.

Разворачивается.

- И ведро! – ору я ему в спину.

Двадцать минут - это очень мало, когда кухня выглядит как место преступления, где жертва - молоко.

Мы носимся вдвоем: я тру столешницу, Макс отмывает стену, я залезаю на табуретку с тряпкой и тянусь к потолку, табуретка едет, Макс ловит меня за талию - автоматически, не думая - и мы секунду стоим так: я на цыпочках, он держит, оба смотрим на молочное пятно над головой.

- Достала? - спрашивает он.

- Почти, - говорю я.

Голос почему-то получается тише, чем нужно. Он отпускает. Я слезаю. Мы оба делаем вид, что ничего не было, и продолжаем тереть.

В 10:00 ровно звонит домофон.

Я смотрю на кухню. Кухня в целом чистая. Если не смотреть на угол за холодильником. И на плафон лампы. И на мою футболку, которую мне не на что поменять.

- Нормально, - окидывает взглядом.

- Ты врешь.

- Ща футболку дам какую-нибудь...

Людмила Степановна оказывается неожиданностью. Я ожидала - не знаю - копию бабушки. Такой же взгляд-рентген, такую же жемчужную нитку и приговор в конце. Но Людмила Степановна маленькая, круглая, в мягком сером кардигане и с таким лицом, как будто она уже видела все и давно перестала удивляться, но при этом не перестала сочувствовать.

Она входит. Оглядывает меня. Что-то в ее взгляде теплет.

- Добрый день, Соня, - голос смешливый. - Я Людмила Степановна. Не бойтесь, я не кусаюсь.

- В отличие от некоторых? - вырывается у меня.

Она смотрит на меня секунду. Потом улыбается - быстро, почти незаметно.

- Нина Аркадьевна- человек со своими представлениями о мире, - говорит она дипломатично. - Я шью для нее двадцать лет. Я понимаю, каково это - попасть в ее орбиту.

- Это вы еще мягко сказали.

Макс, стоящий в дверях, делает вид, что изучает собственные руки.

- Ну, - говорит Людмила Степановна, разворачивая сантиметр. - Приступим. Встаньте сюда, руки - вот так.

Она работает быстро и аккуратно, приговаривая что-то себе под нос - цифры, пометки, «хорошая линия плеч», «талия - отлично», «бедра - чудесно, настоящее». Последнее звучит как будто в сравнении с чем-то ненастоящим, но я решаю не уточнять.

- Платье будет простым, - говорит она, записывая. - Нина Аркадьевна хочет кружево, но я вижу вас в чем-то другом. Посмотрим.

- Вы спорите с ней? - я смотрю на нее с уважением.

- Иногда, - она снова улыбается. - Когда я права.

- И часто вы правы?

- Почти всегда. Она просто не всегда это признает сразу.

Я смотрю на Людмилу Степановну с чувством, близким к любви.

- Вам кофе? - спрашиваю я. - Или чай? Бабушка сказала...

- Ничего, спасибо, - говорит она, сматывая сантиметр. - Я ненадолго, у меня еще три примерки до обеда.

Я выдыхаю. Физически. Плечи опускаются, легкие рас-

правляются, где-то внутри отпускает что-то, что сжималось последние полчаса.

Людмила Степановна смотрит на меня. Потом на Макса. Потом снова на меня.

- Вы справитесь, - говорит она тихо. Не про платье. Это явно не про платье.

Собирает сумку. Уходит.

Мы с Максом стоим в коридоре. За окном - обычное московское утро. Серое, спокойное. Во дворе кто-то выгуливает собаку.

- Чай? - говорю я.

- Кофе.

- Кофемашину я больше не трогаю.

- Разумно.

- Научишь?

Он смотрит на меня.

- Потом.

Мы идем на кухню. Он варит кофе - руками, в турке, пока я завариваю свой чай. Садимся. Я грею руки о кружку. Смотрю на него.

- Макс.

- Что.

- Почему ты один?

Он поднимает взгляд.

- В смысле?

- В прямом. Тебе двадцать восемь. Ты... - я обвожу рукой

пространство. - Ну, ты. Успешный, умный. Кофе вон умеешь варить в турке. Почему один?

Он молчит. Пьет кофе. Смотрит в окно.

- Занят был, - говорит наконец.

- Макс.

- Что.

- Это отговорка, а не ответ.

Он смотрит на меня. С тем выражением - номер три, «я не понимаю, как ты устроена» - но сейчас в нем что-то еще. Что-то, что он взвешивает, выпускать или нет.

- Мне говорили, - произносит он наконец, - что я умею быть рядом, но не умею быть близко.

- И что ты ответил?

- Что не понимаю разницы.

- А сейчас понимаешь?

Опускает глаза. Морщится.

- Немного, - бурчит.

Это, по всей видимости, очень много - для него. Я киваю. Не давя. Просто пью чай. Через минуту он говорит:

- Ромашковый?

- Угу.

- Хорошо, что заказал.

Я смотрю на него. Он смотрит в кружку.

- Да, спасибо, - говорю я тихо.

Он пожимает плечом. Одним. Как будто это мелочь. Но кладет руку на стол. Просто так. Ни к чему. Рядом с моей. Я

не трогаю. Но и свою не убираю.

В кармане его джинсов вибрирует телефон. Он достает, смотрит на экран. Лицо меняется - становится темнее, как будто кто-то закрыл жалюзи.

- Бабушка, - говорит он.

- Уже?

- Людмила Степановна позвонила ей, как только вышла.

- Серьезно?

- Нет, шучу.

Он берет трубку.

- Да, бабуля. - Пауза. - Да, познакомились. - Пауза длиннее. - В субботу? - Он смотрит на меня. Я делаю большие глаза. - Хорошо. Будем.

Кладет телефон.

- Надо поехать, - говорит он. - Семейный сбор на выходные.

- Оба дня?

- Да.

- Кошмар.

- Без вариантов.

«Интересно, а если я сейчас скажу нет?» - пролетает мысль.

Глава 8. Вся семья - это диагноз

В субботу утром Макс заезжает за мной, и мы грузимся в машину. Я беру: сумку с вещами, кактус - он зацвел, я не оставляю его одного - и коробку печенья, потому что мама всегда говорила: в чужой дом без угощения не ходят.

Макс смотрит на кактус.

- Зачем он?

- Он цветет. Ему нужен свежий воздух и моральная поддержка.

- Это кактус.

- Это живое существо. Грузи.

Кактус едет на заднем сиденье. Макс едет с видом человека, который переосмысляет свои решения. Дорога занимает сорок минут. Первые двадцать мы молчим. Потом Макс говорит:

- Дядя Слава приехал.

- Это хорошо или плохо?

- Зависит от того, с которой по счету рюмки.

- И кузен Дима с женой Леной. Лена - нормальная. Дима будет рассказывать про инвестиции.

- Весь вечер?

- Пока его не остановят.

- А дети?

- Трое. Погодки. Семь, восемь, девять лет.

- Ого!

- Ага...

Я смотрю в окно на мелькающие сосны.

- Макс.

- Что.

- Ты в порядке?

Пауза.

- Да.

- Ты барабанишь пальцем по рулю.

Он убирает руку.

- Просто давно не собирались все вместе, - говорит он ровно.

Я смотрю на него. На этот профиль - закрытый, правильный. На то, как он смотрит на дорогу чуть напряженнее, чем нужно.

"Понятно", - думаю я. И ничего не говорю. Просто включаю радио - негромко, фоном. Он не выключает.

Дом встречает нас шумом еще на подъездной дорожке. Трое детей носятся по саду с воплями, которые, судя по интонации, одновременно означают и радость, и войну. Дядя Слава стоит на крыльце с бокалом и широко разведенными объятиями.

- Максимка! - гремит он. - Наконец-то! И невесту привез, смотри-ка!

Он обнимает Макса так, что тот на секунду исчезает. Потом переключается на меня.

- Соня! - говорит дядя Слава с таким видом, будто мы знакомы сто лет. - Слышал про тебя! Бабуля звонила, говорила - необычная девушка.

- Она именно так и сказала? - уточняю я.

- Ну... - он чуть мнетяся. - Примерно так.

- Простите, - говорю я, - в каком именно месте «необычная» превращается в «не то, что я ожидала»?

Он смеется - громко, от души.

- Она мне нравится, - сообщает он Макс. - Оставляй.

Дом внутри - другой, чем при первом визите.

Тогда он был музеем. Сейчас он живой: детские куртки на перилах, запах еды из кухни, женский голос (это жена дяди Славы тетя Рита - шепчет Макс) где-то наверху, звон посуды, бубнеж телевизора из гостиной. Бабушка стоит в центре всего этого абсолютно невозмутимо - как капитан на мостике корабля, где команда сошла с ума, но курс выдерживается.

Она смотрит на меня. Я смотрю на нее.

- Соня, - говорит она.

- Нина Аркадьевна, - говорю я. - Мы привезли печенье.

Она смотрит на коробку. Потом на кактус в моих руках.

- Это что?

- Это Вася, - говорю я. - Он цветет. Я не могла оставить его одного.

Бабушка смотрит на Васю. Потом на меня.

- Поставь в теплицу, - говорит она наконец. - Там ему будет хорошо.

Это вроде не уступка. Но и не отказ. И я считаю это победой.

День идет по нарастающей.

Обед - большой, шумный, с тостами, с историями, с детьми, которые три раза роняют что-нибудь и один раз - Диму. Дядя Слава рассказывает историю про то, как Макс в двенадцать лет случайно покрасил бабушкину кошку в болотный цвет. Макс смотрит в тарелку с выражением человека, который прожил бы счастливо без этого воспоминания.

- Болотный? - переспрашиваю я.

- Полностью, - подтверждает дядя Слава. - Акриловой краской. Три дня оттирали.

- Это был эксперимент, - говорит Макс.

- Какой именно?

- По смешению цветов.

- Макс, - говорю я, - это самое человеческое, что я о тебе узнала.

За столом смеются. Он смотрит на меня - как будто бы даже с теплотой. После обеда младший ребенок кузена Димы - Мишка, семь лет, вихрастый - тащит меня за руку:

- Тетя Соня, пойдем черепах смотреть!

Я иду. Макс, немного помедлив, идет следом. Бабушкин аквариум стоит в отдельной комнате - большой, на полсте- ны, с камнями и водорослями. Три черепахи - неторопливые, спокойные, с умными маленькими глазами.

Мишка немедленно начинает им объяснять что-то важ-

ное, прижавшись носом к стеклу. Мы с Максом стоим рядом. Плечом к плечу. В доме шум, здесь - тихо.

- Смешные, - говорю я.

- Бабушка говорит, они умнее, чем кажутся.

- Это она про черепах или про всех людей?

Он смотрит на меня. И там опять... теплота? Мишка поворачивается к нам с видом эксперта:

- Та, которая большая - это Клавдия. Она главная. Правда, баб-Нин?

Бабушка стоит в дверях - я не слышала, как она вошла.

- Правда, - говорит она. Смотрит на нас двоих. - Клавдия всегда знает, что делает.

И я начинаю сомневаться, что она сейчас про черепаху.

Вечером - чай, карты, дядя Слава проигрывает всем подряд и обвиняет в этом геомагнитную бурю. Дети засыпают один за другим прямо в гостиной. Лена забирает их наверх. Дима наконец-то замолкает про инвестиции.

Хорошо. Неожиданно хорошо.

Я сижу на диване, Макс рядом - близко, потому что дядя Слава занял полдивана и двигаться некуда. Его плечо рядом с моим. Когда я смеюсь над очередной историей, я немного наклоняюсь к нему. Он не отодвигается.

В какой-то момент его рука оказывается на спинке дивана - за моей спиной. Не обнимает. Просто - там. Тетя Рита это замечает. Улыбается в чашку.

В одиннадцать бабушка объявляет отбой.

- Дима и Лена - в зеленой комнате. Дети в соседней, там три кровати. Слава с Ритой - в фиолетовой. - Она идет по коридору, раздавая комнаты как медали. - Максим и Соня - в голубой.

Я останавливаюсь.

- Нина Аркадьевна, - говорю я, - Макс говорил, что будет две комнаты...

- Соня, - говорит бабушка тоном, который не обсуждается. - Я не настолько консервативна, и понимаю, что люди, которые собрались пожениться, спят в одной кровати.

Она разворачивается и уходит. Я смотрю ей вслед. Потом смотрю на Макса. Макс смотрит на дверь в голубую комнату.

- Ты знал, что так будет, - говорю я тихо.

- Предполагал.

- И что теперь?

Он поворачивается, открывает дверь. Мы заглядываем внутрь.

Голубая комната - красивая. Высокие потолки, шторы до пола, старая деревянная мебель. Маленький столик, два кресла, шкаф.

И одна кровать.

Большая. Застеленная идеально - белое белье, четыре подушки, плед в ногах. На тумбочке - маленький букет. Ромашки.

Бабушка поставила ромашки.

Глава 9. Пижама и другие ошибки

Я смотрю на кровать. Потом на Макса.

- Макс, - говорю я.

- Я могу спать в кресле.

- Там два кресла.

- И отлично – поставлю в ряд, получится...

- Ты не влезешь в кресло, - перебиваю. – Даже в два.

- Влезу.

- В тебе сколько? Метр восемьдесят пять?

- Метр восемьдесят семь.

- Это только хуже.

Мы стоим в дверях голубой комнаты. В доме затихает последний шум. За окном - сад, темнота, тишина. Я смотрю на кровать. Кровать большая. Нас двое. Формально там поместятся четыре человека с соблюдением социальной дистанции.

- Может тогда на полу? – голос задумчивый.

- Ладно, - говорю я.

- Думаешь? – скашивает на меня грустные глаза.

- Кровать большая, - бурчу. - Но чур я у стенки.

Молчание.

- Договорились, - говорит он наконец.

Я захожу в комнату. Кровать смотрит на нас. Мы смотрим на кровать.

«Это просто сон, - говорю я себе. - Просто горизонтально. Рядом. Ничего страшного. Взрослые люди».

- Соня, - говорит Макс.

- Что.

- Ты сказала «ладно».

- Сказала.

- Это действительно «ладно» или это «ладно» про спать на полу?

Я поворачиваюсь к нему.

- Это «ладно» в значении: я устала, бабушка выиграла этот раунд, кресло, да и пол сломают тебе спину, а нам нужно выспаться перед завтрашним днем.

Пауза.

- Логично, - говорит он.

- Я знаю.

Я иду в ванную - переодеваться. За дверью слышу, как он садится на кровать. Как скрипит старое дерево под его весом.

- Просто сон, - повторяю я себе, глядя в зеркало.

Потом достаю вещи. Умывалка, зубная щетка, пижама.

Моя пижама - это произведение искусства. Я купила ее три года назад на распродаже за триста рублей. Фланель. Светло-розовая. По всей поверхности - маленькие довольные коровы в венках из ромашек. Коровы улыбаются. Коровам хорошо.

Надеваю, смотрю на себя в зеркало и думаю: вот ты и до-

бралась до дна, Соня. Потом думаю: ну и ладно. Это просто сон. Потом думаю: он увидит коров. Потом думаю: пусть смотрит.

Я выхожу из ванной. Макс сидит на краю кровати. В одних трусах.

Я останавливаюсь.

Нет, я знала, что мужчины так спят. Это логично. Это нормально. Я взрослый человек и видела мужчин без футболки, это совершенно обычное явление, которое не требует никакой особенной реакции, просто...

Он хорошо выглядит.

Это несправедливо. Успешный, умный, кофе варит в турке - и еще вот это. Широкие плечи, округлые мышцы, подтянутый живот...

«Прекращай, - приказываю. – Он просто сидит и все».

И это самое неприятное, что он не делает ничего специального. Просто сидит и смотрит в телефон. Совершенно обычно. Как будто так и надо. Он поднимает взгляд. Смотрит на меня. На коров. На ромашки. На коров снова.

- Это... - начинает он.

- Не надо, - говорю я.

- Я только хотел...

- Макс. Не надо.

Пауза.

- Коровы, - говорит он все-таки.

- Они в венках, - говорю я с достоинством. - Это нарядно.

Он смотрит на меня еще секунду. Уголок губ - тот самый.

- Нарядно, - соглашается он и возвращается к телефону.

Я иду к кровати. Ложусь у стенки. Натягиваю одеяло до подбородка. Смотрю в потолок. Потолок здесь с лепниной. Завитки, цветочки, в центре - большая розетка под люстру. Совсем другое дело.

Макс кладет телефон. Ложится рядом. Кровать большая. Между нами - честные полтора метра пространства, нейтральная полоса, ничейная земля. Все нормально.

- Спокойной ночи, - говорю я.

- Спокойной ночи.

Темнота. Тишина. За окном шумит сосна - монотонно, убаюкивающе.

"Все нормально, - говорю я себе. - Спи".

Через двадцать минут мне жарко. Не просто жарко - невыносимо. Фланель - это, конечно, уютно, это, конечно, мягко, но фланель плюс одеяло плюс батарея, которую бабушка непонятно зачем включает в августе, - это уже испытание на выживание.

Я осторожно сбрасываю одеяло. Лежу поверх. Через пять минут все равно жарко. Я смотрю в потолок.

"Просто расстегни верхние пуговицы, - говорю я себе. - Делов-то".

Но верхние пуговицы - это ладно. Проблема в том, что фланель в принципе не дышит. Коровы в венках живут в тепловой ловушке, и я вместе с ними.

- Ты не спишь, - говорит Макс из темноты.
- Сплю.
- Ты вздыхаешь каждые тридцать секунд.
- Это такое дыхание. Для сна.

Пауза.

- Жарко?

Я молчу.

- Соня.
- Немного, - признаю я.
- Батарею не выключить - у бабушки старая система.
- Черт.
- Можно открыть окно.
- Там сосна шумит.
- Это мешает?
- Не знаю...

Молчание. Потом он говорит - просто, нейтрально, как будто это совершенно обычное предложение:

- Сними пижаму.

Моргаю.

- Что? - говорю я.
- Ну... - он делает паузу. Я чувствую, как до него доходит. - Я имел в виду... можно сменить на что-то... или просто майку...

- Макс.
- Я не это имел в виду.
- А что ты имел в виду?

- Я имел в виду, что фланель теплая, и если надеть что-то полегче...

- У меня нет ничего полегче.

- Тогда можно вообще без...

Он останавливается. Я жду.

- ...без лишних слоев, - заканчивает он. - У тебя же наверное есть майка....

Я смотрю в потолок.

- Макс, - говорю я.

- Что.

- Ты только что предложил мне раздеться.

Пауза.

- Я предложил тебе снять теплую пижаму, - говорит он. - Это разные вещи.

- Это очень похожие вещи.

- Это не...

- Макс.

- Что.

- Ты сейчас оправдываешься.

Молчание. Долгое.

- Да, - говорит он наконец.

- Значит, ты понял, что это прозвучало.

- Да.

Я смотрю в потолок. Завиток. Еще завиток. Розетка.

- Жарко, - говорю я.

- Знаю.

- Предложение было... логичным, - говорю я. - В контексте.

- В контексте, - соглашается он.

- Просто прозвучало не очень.

- Признаю.

Я поворачиваюсь на бок. В темноте вижу его силуэт - он тоже смотрит в потолок, руки за головой.

- Макс.

- Что.

- Ты краснеешь?

- Нет.

- Темно, я не вижу, но мне кажется, ты краснеешь.

- Мне двадцать восемь лет.

- И?

- Я не краснею.

- Ладно, - говорю я.

- Не краснею, - повторяет он.

Я смеюсь. Тихо - чтобы не разбудить весь дом - но смеюсь по-настоящему, хохочу, уткнувшись в подушку. И слышу рядом - низкое, короткое - он тоже. Мы лежим и смеемся в темноте, стараясь не шуметь, и от этого смешнее. Я зажимаю рот рукой. Кровать чуть вздрагивает.

Потом смех утихает. Тишина становится другой - не неловкой. Просто тихой.

- Окно открою, - говорит он.

- Угу.

Он встает. Я не смотрю. Слышу шаги, тихий скрип рамы, и в комнату входит ночной воздух - прохладный, с запахом сосны и травы. Хорошо.

Он ложится обратно.

- Лучше? - спрашивает он.

- Лучше.

- Спи.

- Уже.

Я не сплю еще минут десять. Лежу и слушаю, как выравнивается его дыхание. Как сосна шумит за окном. Как где-то в доме скрипит половица - кто-то идет в туалет, кто-то из детей, наверное.

Полтора метра нейтральной полосы между нами.

Я смотрю в лепнину.

"Он сказал «сними пижаму», - думаю я. - И покраснел. Он покраснел".

Это было смешно.

Это было...

Я не заканчиваю мысль.

Сосна шумит.

Я засыпаю.

Глава 10. Теплые руки и холодные предложения

Просыпаюсь от тепла. Не от жары - от другого тепла. Тихого, равномерного, живого. Я лежу на боку. Это я помню - легла на бок лицом к стенке. Но сейчас что-то изменилось.

За моей спиной - Макс. Не просто рядом. Вплотную. Его рука - тяжелая, теплая - лежит у меня на талии поверх пижамы. Его дыхание - ровное, медленное - у меня в волосах.

Он спит. Я понимаю это сразу - по тому, как он дышит, по тому, как расслаблена рука. Он не делает это специально. Просто - так получилось. Ночью, пока оба спали, нейтральная полоса исчезла.

Я лежу и не двигаюсь.

«Надо отодвинуться», - говорю я себе.

Не двигаюсь. Его рука - теплая. Очень теплая. И тяжелая ровно настолько, чтобы не хотелось ее убирать. За окном - серое утро. Сосна не шумит. Дом молчит.

«Сейчас встану, - думаю я. - Через минуту. Или две».

Его рука чуть сжимается - рефлексивно, во сне. Как будто он нашел что-то и не хочет отпускать.

Я смотрю на голубую стену перед носом. Я должна встать. Это правильно. Это разумно. Это - по договору, буквально, Мы прописывали только необходимый минимум контактов.

А сейчас уже явно уже не минимум, сейчас это вообще за пределами всех пунктов.

"Встаю", - решаю я.

Закрываю глаза. И через три минуты снова сплю. Когда я просыпаюсь второй раз - светло. Макс уже не спит. Лежит тихо, рука все еще у меня на талии, но по дыханию я чувствую - он проснулся.

Молчит. И я молчу.

Мы оба делаем вид, что все еще спим - еще секунду, еще две. Как будто пока мы не открыли глаза, ничего не нужно признавать и объяснять.

Потом я говорю - не поворачиваясь:

- Доброе утро.

Пауза.

- Доброе, - говорит он.

- Ты давно не спишь?

- Недавно.

- И молчал.

- И молчал.

Я смотрю на голубую стену.

- Макс.

- Что.

- Ты понимаешь, что твоя рука...

- Да.

- Ты уберешь?

Пауза. Короткая. Почти незаметная.

- Да, - говорит он.

Убирает.

Сразу становится холоднее. Это объективный физический факт, ничего общего с чем-либо другим. Я переворачиваюсь на спину. Смотрю в лепнину. Он смотрит туда же.

- Мы оба просто сместились, - говорю я.

- Вероятно.

- Это не считается.

- Не считается, - соглашается он.

- Хорошо.

- Хорошо.

Лепнина. Завиток. Розетка.

- Коровы, - говорит он вдруг.

- Что?

- На твоей пижаме. Одна из них смотрит на меня.

Я скашиваю взгляд на плечо. На плече - корова. Большие глаза, венчик из ромашек, выражение глубокого внутреннего покоя.

- Она не осуждает, - говорю я.

- Похоже, что нет.

- Ей хорошо. Ей вообще всегда хорошо.

- Завидую, - говорит Макс.

Я поворачиваю голову. Он поворачивает голову. Мы смотрим друг на друга - близко, подушки рядом, утренний свет в окне.

У него взъерошенные волосы. Первый раз вижу его с

по-настоящему взъерошенными волосами. Не «не уложены» как тогда ночью на кухне - а именно взъерошенные, как бывает только после настоящего сна. И от этого он другой. Не владелец «Grand Soleil», не человек с платком и идеальной посадкой костюма.

Просто Макс.

- Дядя Слава..., - шепчет.

- Чего?

- Уже встал.

- По звуку понял?

- По запаху. Он всегда жарит яичницу с утра.

Из-за двери - далекий шум. Детские голоса, чьи-то шаги, хлопает дверь. Мы еще секунду лежим.

Потом я встаю. Иду в ванную. Закрываю дверь. Стою у зеркала. Волосы - катастрофа. На щеке - след от подушки. Корова на плече смотрит с невозмутимым спокойствием.

Я смотрю на свое отражение.

"Это не считается, - говорю я себе. - Мы договорились. Не считается".

Мое отражение молчит. Но улыбается.

Воскресный завтрак у бабушки - это отдельный вид спорта. Блины, омлет, сырники, варенье трех видов, свежий хлеб, масло, мед и что-то, что тетя Рита называет «пирожками подомашнему» и что дядя Слава называет «причиной всех моих проблем».

Я сижу рядом с Максом и делаю вид, что этим утром все

абсолютно обычно. Что я выспалась отлично. Что не было никаких рук, никаких взъерошенных волос, никакой коровы на плече.

Макс делает то же самое. Мы оба очень убедительны. Почти.

- Соня, - говорит бабушка, садясь во главе стола. - Как вы спали?

- Отлично, - говорю я.

- Комната удобная?

- Очень.

- Кровать удобная?

Я чувствую, как Макс рядом делает микроскопическое движение - чуть напрягается.

- В самый раз, - говорю я.

Бабушка кивает. В ее глазах - абсолютно невинное выражение, которому я не верю ни секунды.

После завтрака бабушка объявляет, что хочет поговорить. Все расходятся - Лена уводит детей, дядя Слава идет следом с видом человека, которому только что повезло. Остаемся мы с Максом и бабушка. Она садится напротив. Складывает руки. Смотрит на нас - спокойно, внимательно.

- Вы живете вместе? - спрашивает она.

- Да, - говорит Макс.

- Конечно, - говорю я.

Одновременно. Слишком быстро. Слишком уверенно. Бабушка смотрит на Макса. Потом на меня. Потом снова на

Макса.

- Я хочу вас навестить, - с ледяным спокойствием.
- Конечно, - говорит Макс. - Когда скажешь - мы...
- Загляну на завтрак. Или на ужин. - встает. - На этой неделе. Или... может быть на следующей? Вы не против?

В интонации - вопрос без вопроса. Макс смотрит на нее. Я смотрю на нее. Мы оба понимаем одновременно: это не про завтрак или ужин, это про то, чтобы мы не знали *когда*. Чтобы быть готовы *всегда*. Элегантно, жестоко, по-бабушкински.

- Конечно, - говорю я.
- Будем рады, - говорит Макс.

Бабушка кивает, встает и буквально выплывает из комнаты. Мы с Максом сидим. В гостиной тихо. Где-то в саду дядя Слава хохочет над чем-то своим.

- Она знает, - вздыхаю.
- Не думаю.
- Макс. Она знает!

Он смотрит на дверь, за которой исчезла бабушка.

- Она хочет убедиться, - говорит он. - Не поймать. Убедиться.

Я думаю про это. Про разницу между «поймать» и «убедиться».

«Может быть она хочет, чтобы все оказалось правдой?» - охаю внутри себя. Но тут же отгоняю эту мысль.

- Макс.

- Если она позвонит в дверь в семь утра в среду...

- Мы оба должны быть дома, - заканчивает он.

- Мне надо переезжать.

- Похоже на то.

- Сегодня.

- Да.

Встаю. Одергиваю платье.

- Поехали собирать мои вещи, - говорю я. - И если твоя бабушка явится в семь утра в среду с черепахой под мышкой - это будет на твоей совести.

Он встает рядом.

- Она не носит черепах под мышкой.

- Ты уверен?

Пауза.

- Не полностью, - признает он.

Глава 11. Плющ, Африка и зеленый свет

Моя квартира - ну как моя? съемная, конечно - находится на юге Москвы. Не ближний свет и не дальний, где-то посередине, в районе, носящем гордое название «спальный район», хотя спать там получается не очень из-за шума шоссе.

Мы паркуемся. Макс выходит из машины. Смотрит на дом. Ну да – грустный дом, не то что его навороченный ЖК.

- Второй подъезд, - говорю я. - Четвертый этаж.

- Я понял.

Подъезд встречает запахом - специфическим, который не меняется никогда: краска, бетон, чужая еда и немного кошки. На первом этаже кто-то жарит лук. На четвертом - у соседа слева орет телевизор, у соседки справа - собака слышит нас еще в лифте и начинает возмущаться.

- Это Буся, - говорю я, доставая ключи. - Она всегда так.

Макс кивает. Смотрит на облупившуюся краску на двери.

Я открываю. Делаю приглашающий жест. Он заходит. Оглядывается.

Одна комната, совмещенная с кухней - это называется студия, если хочется современно, или «все в одном», если честно. Диван-кровать у окна, всегда в разложенном состоянии - потому что складывать некуда, мешает стол. Стол - малень-

кий, у стены. Три стула, один сломан - подперт книгой под ножку.

Кухня - два шага от дивана. Плита на две конфорки. Холодильник старый, гудит, дверца держится на честном слове и куске изоленды, которую я прилепила в январе и не убрала. На холодильнике магниты - из мест, где я была, и мест, куда хочу попасть.

На подоконнике - горшки. Это моя настоящая коллекция: здесь те, которые не поехали в студию, самые любимые. Плющ, что ползет по стене уже полгода. Старый фикус с характером. Фиалки, которые цветут вопреки всему.

На стене - полка с книгами. Книги стоят в два ряда, некоторые лежат сверху горизонтально. Рядом - распечатанная фотография: мы с Катей на ее дне рождения три года назад, обе смеемся, обе немного размытые.

Потолок - с Африкой в углу. Желтое пятно, форма которого за три года стала почти родной.

Вот и все. Макс стоит посреди этого и молчит. Я смотрю на свою квартиру его глазами и думаю: ну да. Вот как я живу.

- Не большая, - говорю я.

- Уютная, - говорит он.

- Макс.

- Что.

- Ты не обязан.

- Я не...

- Ты сейчас придумываешь вежливое слово, - говорю я. -

Не надо. Я знаю, как это выглядит. Мне не стыдно.

Он смотрит на меня.

- Я не искал вежливое слово, - говорит он. - Я смотрел на плющ. Он большой.

- Полгодика.

- Сам вырос?

- Я помогала. Разговаривала с ним.

- Разговаривала.

- По вечерам. Когда никого нет. - Я пожимаю плечом. - Растения хорошо слушают.

Он смотрит на плющ. Потом на фикус. Потом на фиалки.

- Все заберем?

- Не все влезут в машину.

- Сделаем два рейса.

Я смотрю на него.

- Макс. Тебе не нужно...

- Соня, - перебивает он спокойно. - Ты переезжаешь. Значит, растения тоже переезжают. Показывай, что берем в первую очередь.

Я молчу секунду.

- Плющ, - говорю я. - Плющ берем первым. Он привязан к стене на веревочке, надо аккуратно.

- Показывай.

Пока я собираю вещи - Макс снимает плющ. Я наблюдаю краем глаза: он делает это внимательно, находит каждую веревочку, осторожно отцепляет. Не торопится. Не морщится

от того, что это занимает время.

Я складываю одежду в сумку. Одежды немного. Джинсы, три свитера, несколько футболок, одно платье - красивое, зеленое, единственная моя дорогая вещь. Из ящика стола - документы. С холодильника - магниты. Все. С полки - несколько книг. С подоконника - фиалки и фикус. Смотрю на комнату. На диван, который всегда разложен. На стул с книгой под ножкой. На Африку на потолке.

- Готова? - говорит Макс.

- Почти.

Подхожу к стулу под Африкой. Встаю на него. Поднимаю голову - смотрю на пятно вблизи. Оно желтое, с оранжевыми краями, в правом углу немного похоже на рог носорога, если смотреть с определенного угла.

- Что ты делаешь? - спрашивает Макс.

- Прощаюсь.

- С потолком.

- С Африкой.

Пауза.

- С Африкой...

- Три года вместе, - говорю я. - Оно меня знает.

Я слезаю со стула. Беру сумку.

- Все, - говорю я.

Макс смотрит на меня. На пятно. Снова на меня.

- Мы можем приехать в любой момент, - говорит он.

- Знаю.

- Если захочешь...

- Макс, - говорю я. - Я в порядке.

Он кивает. Мы грузимся. Плющ едет на заднем сиденье. Фикус - в ногах. Фиалки - в пакете. Макс едет молча. За окном - Москва, уже вечерняя, с огнями и пробками и людьми, у каждого из которых своя Африка на потолке.

- Макс, - говорю я.

- Что.

- Твой потолок белый.

- Я что-нибудь придумаю, - говорит он.

- Я не поэтому... Честно!

- Разберемся.

Я смотрю на него. На этот профиль - закрытый, но сейчас чуть мягче, чем обычно. На руки на руле, которые не барабаны.

- Спасибо, - говорю я тихо.

- За что.

- За плющ. За два рейса. За то что не сказал ничего про квартиру.

- Там нечего было говорить.

Я смотрю вперед. Подъезжаем к светофору, загорается красный. Останавливаемся.

«Это временно», - говорю я себе.

Но сумка на коленях - настоящая. И плющ сзади - настоящий. И рука Макса на руле - в полуметре от меня - тоже настоящая.

Желтый. Зеленый. Поехали.

Глава 12. Вика и другие неприятности

Зеленое платье я надеваю в последний момент. До этого перемеряла все, что привезла с собой - свитер с джинсами (нет, слишком повседневно), черные брюки с белой рубашкой (нет, слишком офисно), снова джинсы (нет, Макс - человек, который привык к другому уровню ресторанов).

- Соня, - говорит он из коридора. - Нам через двадцать минут выезжать.

- Знаю.

- Ты готова?

- Почти.

- «Почти» - это сколько минут?

- Столько, сколько нужно.

Пауза.

- Это не ответ.

- Макс, - говорю я, - иди кофе что ли на кухне выпей.

Слышу, как он вздыхает, потом уходит. Смотрю на зеленое платье.

Я купила его на свой первый большой гонорар. Как подарок самой себе за то, что я смогла – сама! – смогла открыть цветочную студию. Простое, без украшений, чуть ниже колена, но сидит на мне идеально. В нем я себе даже нравлюсь.

Надеваю. Смотрю в зеркало.

«Нормально, - говорю я себе. - Просто деловой ужин с будущим мужем. Все нормально. Надо просто не уронить ничего и не сказать ничего лишнего».

Последнее - сложнее всего.

Выхожу в коридор. Макс стоит у окна с телефоном. Поворачивается. Смотрит. Не говорит ничего - секунду, две. Просто смотрит. Потом убирает телефон в карман.

- Готова, - говорит он.

- Это был вопрос или констатация?

- Констатация.

Я беру сумку.

- Макс.

- Что.

- Ты смотрел.

- Я всегда смотрю, когда кто-то входит в комнату.

- Не так.

Пауза.

- Поехали, - говорит он.

Ресторан называется «Северный» - из тех мест, куда не ходят случайно. Тихий, темный, с правильным светом и правильным расстоянием между столиками.

Клиента зовут Игорь Петрович. Строительный бизнес, партнерство с «Grand Soleil» на корпоративные мероприятия - я понимаю это из первых пяти минут разговора. Игорь Петрович немолодой, основательный, с женой Тamarой - ми-

лой женщиной, которая явно предпочла бы сейчас быть дома с книгой, но сидит с прямой спиной и вежливой улыбкой.

Я понимаю Тамару. Я сама сейчас в похожей ситуации.

- Соня занимается флористикой, - говорит Макс. - Собственная студия.

- О, - говорит Тамара и оживляется. - Цветы - это так красиво. Я сама люблю пионы.

- Пионы - это классика, - говорю я. - Хотя я лично люблю хризантемы.

- Правда? Они немного... - она подбирает слово.

- Серьезные, - подсказываю я. - Да. Но в этом и есть смысл - когда все вокруг кричат, они просто есть.

Тамара смотрит на меня и улыбается уже по-настоящему. Макс, краем глаза замечаю, чуть расслабляется.

Ужин идет хорошо. Игорь Петрович говорит про бизнес - Макс отвечает ровно, точно, по делу. Тамара и я негромко разговариваем про свое. Все правильно, все по плану.

Я даже успеваю расслабиться.

Зря.

Она появляется, когда приносят основное. Я замечаю ее сразу - просто потому что такую женщину нельзя не заметить. Высокая, в черном, красивая. Очень красивая. Входит в зал с двумя подругами, садится через пару столиков от нас. Заказ, смех, бокалы.

И тут она видит Макса. Встает. Идет к нам.

- Макс, - говорит она. Голос низкий, спокойный. - Давно

не виделись.

Макс поднимает взгляд. Его лицо меняется. Как тогда, когда он закрывает жалюзи.

- Вика, - говорит он. - Привет.

Он встает. Они не обнимаются. Просто стоят на правильном расстоянии, как люди, которые знают это расстояние наизусть.

- Познакомься, - говорит Макс. - Это Соня. Моя невеста.

Вика переводит взгляд на меня. Медленно. Внимательно. Не агрессивно - что было бы проще. Просто оценивающе - сверху вниз, спокойно, как смотрят на что-то неожиданное. На зеленое платье, на простые сережки, на руки - я убираю руки под стол, потому что у меня всегда есть что-то под ногтями от цветов, сегодня вроде чисто, но все равно.

- Очень мило, - говорит Вика.

Два слова. Интонация вежливая. Но в ней явно слышно "неожиданно, не то, что я ожидала, интересный выбор".

- Спасибо, - ляпаю.

Она переводит взгляд на Макса:

- Увидимся на Дашином дне рождения?

- Вероятно, - говорит он.

- Хорошо, - поворот головы, легкий кивок. - Рада знакомству, Соня.

Уходит. Макс садится. Продолжает разговор - ровно, спокойно, как будто ничего не произошло. Тамара что-то говорит про пионы. Я отвечаю автоматически. А под столом

складываю салфетку - раз, два, три - маленький прямоугольник, потом еще меньше, еще, еще...

В машине я спрашиваю сразу.

- Кто это?

Макс поджигает губы.

«Вот только не надо сейчас делать вид, что ты не понял о ком я».

- Вика. Вика Соболева.

- Я поняла, что Вика. Кто она тебе?

Несколько секунд молчит.

- Бывшая, - выдавливают из себя наконец.

- Давно?

- Год назад.

- Долго были вместе?

- Пять лет.

- А это она, которая..., - начинаю я.

- Неважно, - отрезает.

- Понятно.

- Что тебе понятно?

- Что бывшие - это бывшие. Все.

Он хочет что-то сказать. Я вижу это - по тому, как чуть меняется линия челюсти. Но не говорит. Едем молча. За окном - ночная Москва. Огни, витрины, люди. Обычный вечер. Я смотрю на свое отражение в темном стекле. Зеленые глаза. Зеленое платье. Простые сережки.

"Очень мило".

Дома я сразу иду к плющу. Это моя привычка - когда что-то не так, я трогаю листья. Проверяю влажность, осматриваю стебли. Руки помнят, что делать, и голова немного успокаивается.

- Чай? - спрашивает Макс из кухни.

- Нет.

Пауза.

- Есть хочешь?

- Нет.

- Соня.

- Макс, я устала. Можно я просто...

- Что случилось?

Я оборачиваюсь. Он стоит в дверях кухни.

- Ничего, - говорю я.

- Ты разговариваешь с плющом.

- Я не разговариваю.

- Ты шевелишь губами.

Я смотрю на него.

- Я просто думала.

- О чем?

О том, что она красивая. О том, что она из его мира - правильные рестораны, правильные люди, правильная улыбка. О том, что она смотрела на меня как на «очень мило» и это попало точно, потому что я и есть очень мило - съемная квартира, кактус по имени Вася, хризантемы везде, включая нижнее белье. О том, что он закрылся, когда я спросила про

нее.

- Ни о чем, - говорю я вслух. - Спокойной ночи.

Иду в спальню. Теперь это моя комната. Очень благородно с его стороны. Поэтому дверь я закрываю спокойно. Без хлопка. Если бы хлопнула – это было бы уже слишком. Лежа в темноте, я смотрю в потолок. Белый. Идеальный. Без единого пятна.

"Африка, - думаю я, - тебя мне сейчас не хватает".

За стеной - тишина. Макс не ходит, не шумит. Просто тишина. Я переворачиваюсь на бок. В голове крутится одно: он сказал бывшая и закрылся. Люди закрываются, когда больно. Или когда не хочется показывать, что больно.

Значит - больно.

Значит - не так уж давно все кончилось.

Значит - очень мило попало в точку, и Вика это знала, когда говорила.

Я закрываю глаза.

"Это договор, - говорю я себе. - Потом развод. Ты знала, на что шла".

Знала.

Но почему-то сейчас это звучит по-другому.

Сосна за окном не шумит - мы в Москве, здесь нет сосны. Есть только город и тишина за стеной.

Я лежу и не сплю.

Долго.

Глава 13. Искусство молчания и другие таланты

Я не дуюсь. Я просто молчу. Это разные вещи. Молчание - это осознанный выбор взрослого человека, который не хочет говорить лишнего. Это зрелость. Это мудрость. Я очень мудрая уже третий день.

День первый.

Утро. Макс варит кофе в турке. Я захожу, иду заварить чай. Он говорит «доброе утро». Я говорю «угу». Это нормально. Люди говорят «угу» по утрам. Не всегда же встаешь с «той ноги».

- Чая еще хватает? - спрашивает.

- Нормально.

- Это «да» или «нет»?

- Это «нормально».

Он смотрит на меня секунду.

- Закажу еще.

- Спасибо, - говорю я.

- Угу, - говорит он.

Я смотрю на него. Он смотрит в турку. Это была шутка? Он пошутил? Макс Зацепин - владелец «Grand Soleil», человек с платком и идеальной укладкой - только что ответил мне «угу»? Вот это дела!

День первый, вечер.

Макс смотрит что-то по телевизору - я не слежу что, просто фон. Сажу с книгой на другом конце дивана. Читаю. Точнее, смотрю в буквы и думаю про свое. Он кладет пульт на правый подлокотник. Всегда на правый - я уже заметила. Это у него как правило: телефон всегда в левом кармане, ключи всегда на крючке у двери, пульт всегда справа.

Он встает - налить воды. Я смотрю на пульт. Встаю. Беру. Кладу на левый подлокотник. Сажусь обратно. Открываю книгу. Макс возвращается. Садится. Смотрит на правый подлокотник. Потом на левый. Берет пульт. Кладет на правый.

Молча.

Я читаю. Он смотрит телевизор. Через двадцать минут он снова встает - приспичило видимо прогуляться кое-куда. Я беру пульт. Кладу на левый. Он возвращается. Садится. Смотрит на левый подлокотник. На правый. Берет пульт. Кладет на правый. По-прежнему молча.

Я читаю одну и ту же страницу уже полчаса.

День второй.

Я прихожу домой из студии раньше обычного. На кухне - записка. Макс пишет от руки. Вот ровно как на той – первой визитке. Ровный, четкий почерк, никаких смс если можно обойтись бумагой.

«Буду поздно. Встреча до девяти».

Я смотрю на записку. Кладу на место. Иду к плющу. Проверяю листья. Все в порядке - плющ дотянулся до второй стены, я подвязала новую веревочку в прошлую среду.

- Как ты? - говорю я ему.

Плющ молчит.

- Правильно, - говорю я. - Молчание - золото.

Иду в комнату. Сажусь на диван. Смотрю на правый подлокотник. Пульт лежит на месте - справа. Четкий, ровный, как все у Макса. Я беру его. Кладу на левый. Встаю. Иду на кухню ставить чайник.

«Справа он кладет. Всегда справа. Как будто так и должно быть. Как будто все в его мире стоит именно там, где он решил, и никто не смеет трогать».

Вика небось тоже всегда клала справа.

- Стоп, - говорю я себе. - Не надо.

Чайник закипает.

День третий.

Я сижу с книгой. Он приходит с работы, раздевается, идет в комнату. Берет пульт - с левого подлокотника. Смотрит на него секунду. Кладет на правый. Садится.

- Соня.

- Что.

- Ты перекладываешь пульт.

- Случайно.

- Три дня подряд.
- Я на него облакачиваюсь. Он мешает.
- Ты облакачиваешься на подлокотник?
- Да.
- Нет. Ты всегда сидишь в углу дивана.

Я переворачиваю страницу.

- Соня.
- Что.
- Ты злишься.
- Нет.
- Три дня «все нормально» - это не нормально.

- Макс, - говорю я с улыбкой, которая у меня получается очень спокойной и очень взрослой, - я просто немного устала. Работа, переезд, бабушка... скоро. Все накопилось. Ничего личного.

Он смотрит на меня. Молчит и вздыхает. Вздыхает и молчит.

- Хорошо, - говорит он наконец.

Берет пульт. Кладет на правый подлокотник. Включает телевизор. Я читаю. Он смотрит. Через десять минут он встает за телефоном. Я смотрю на пульт. Не трогаю.

- Достаточно, - говорю я себе. - Хватит.

Он возвращается. Садится. Смотрит на пульт - справа, на месте. Потом на меня. Ничего не говорит. Но вздохать перестает.

На четвертый день я прихожу домой и обнаруживаю, что

мои горшки переехали. Не все - только три, что стояли на подоконнике в комнате. Переехали на кухонный подоконник - тот, который смотрит на юг. Там больше солнца. Я сама думала их туда поставить, но все время забывала.

Рядом - записка.

«Здесь светлее».

Три слова. Ровный почерк. Я стою и смотрю на горшки. На записку. На горшки снова. Потом иду в комнату. Сажусь на диван. Смотрю в потолок.

«Он передвинул горшки, - думаю я. - Потому что там светлее. Просто так. Без просьбы. Заметил и сделал».

Это нечестно. Я перекидываю его пульт, а он передвигает мои горшки.

«Мы оба идиоты, - думаю я. - Но он идиот добрее».

Вечером звонит Катя - как чувствует.

- Ну? - говорит она вместо приветствия.

- Что «ну»?

- Что у вас там?

- Нормально.

- Так...

- Да правда, нормально!

- Соня. Я тебя знаю всю жизнь. Если ты говоришь «нормально», значит ты придумала себе проблему.

- Это не я придумала, - вздыхаю.

- Рассказывай, - почти приказ.

Я рассказываю. Про ужин. Про Вику. Про очень мило.

Про жалюзи на его лице. Про три дня молчания, пульт и горшки. Катя слушает. Не перебивает - это она умеет, когда надо. Потом говорит:

- Ты... ревнуешь?

- Я не ревную.

- Соня.

- Я злюсь. Это другое.

- Это одно и то же.

- Катя, это принципиально разные вещи - злиться на человека и...

- И что?

- И... не злиться.

- Блестящая аргументация.

- Катя...

- Соня! - рывкает. - Ты три дня перекладываешь его пульт. Ты разговариваешь с плющом. Ты пересказываешь мне про горшки таким голосом, как будто это важно.

- Это важно, - говорю я. - Потому что это странно. Он просто взял и...

- Позаботился.

Я замолкаю.

- Это не «странно», - говорит Катя. - Это «приятно». Ты просто не умеешь, когда приятно без предупреждения.

Я смотрю в потолок. Белый. Чистый. Без Африки.

- Катя, - говорю я.

- Что.

- Он закрылся, когда я спросила про нее.

- Может, есть причина.

- Или он до сих пор...

- Или не до сих пор. Ты спрашивала нормально?

- Я спросила кто она. Он сказал «бывшая». Я сказала «поняла». Он сказал «что ты поняла». Я сказала «ничего».

- Соня, - Катя вздыхает, - это не разговор. Это перестрелка в темноте.

- Я не умею по-другому.

- Умеешь. Ты просто боишься.

- Он передвинул горшки, - говорю я тихо.

- Да.

- Туда, куда я сама хотела их поставить.

- Да.

- Он не знал, что я хотела.

- Догадался, - говорит Катя. - Смотрел и понял.

Я смотрю на южный подоконник из комнаты. Оттуда, где я сижу, видно три горшка - на солнце, все три. Фиалки уже тянутся.

- Я не ревную, - говорю я.

- Хорошо.

- Это просто гормоны и совместный быт.

- Конечно.

- Катя.

- Что.

- Заткнись.

Она смеется. Я бросаю трубку. Сажу еще минуту. Потом встаю, иду в комнату, беру пульт с левого подлокотника - я переложила его машинально, пока разговаривала - и кладу на правый.

Вечером Макс приходит в половину девятого. Я сижу с чаем и ноутбуком - разбираю заказы на следующую неделю. Он раздевается, проходит в комнату, видит пульт на месте - справа, там, где должен быть. Ничего не говорит.

Идет на кухню. Ставит турку.

- Ужинал? - спрашиваю я.

- Нет.

- Есть суп. Я сварила.

Он оборачивается. Смотрит на меня вытаращенными глазами.

- Ты сварила суп.

- Я варила себе. Но сварила на двоих. Это просто арифметика.

- Спасибо.

- Не благодари. Там лавровый лист, если не любишь - вылови.

- Я люблю лавровый лист.

- Хорошо.

Он наливает суп. Садится. Ест. И это странно напоминает нормальный вечер. Обычный. Как будто так и должно быть. Я закрываю ноутбук.

- Макс.

- Что.

- Горшки. Спасибо.

Он поднимает взгляд.

- Там правда светлее.

- Я знаю. Я сама думала, просто...

- Забывала.

- Откуда ты...

- Ты каждый раз смотришь на них утром. Потом на южное окно. Потом снова на них. Это несложно посчитать.

Я смотрю на него.

«Смотрел и понял», - говорит в голове Катя.

- Ладно, - говорю я.

- Ладно?

- Ладно в значении: я слышу. И... пульт я перекладывала специально.

Вздыхает.

- Я знаю, - говорит он.

- И ты молчал три дня.

- Ты бы отрицала.

- Я бы отрицала, - соглашаюсь я.

Мы смотрим друг на друга. И кажется, что тучи расходятся и то напряжение, которое я три дня копила и прятала, начинает отпускать. Но тут у Макса в кармане вибрирует телефон.

Он смотрит на экран. Берет.

- Привет. - Пауза. - Когда? - Еще пауза. - Понял. Пока не

знаю. Перезвоню.

Кладет телефон. Я делаю вид, что смотрю в ноутбук.

- Рабочее? - бурчу.

- Нет. Вика.

Я закусываю губу, продолжая пялиться в экран и при этом чувствуя его пристальный взгляд.

- Соня?

Молчу. Не смотрю.

- Поняаяятно, - тянет. Ну что же. Наверное, нам все же стоит с тобой это обсудить...

Глава 14. Долгий разговор и его последствия

Я поднимаю на него глаза. Моргаю.

«Обсудить? Серьезно?».

- Макс...

- Соня! – перебивает. - Ты всю неделю злишься.

- Я не...

- Из-за Вики, - не спрашивает, констатирует.

- Просто, - вздыхаю. - Я не понимаю. Почему ты женишься на мне, а не на ней, если до сих пор...

- Нет, - перебивает.

- Ты не дал мне договорить!

- Я знаю, что ты хочешь сказать, - он смотрит на меня. - Нет. Я не люблю ее. И кажется, никогда не любил. И это мне очень не нравится.

Я таращусь на него. А он смотрит на стол. Это у него - редкость: обычно он смотрит прямо. Сейчас - не может.

- Мы были вместе пять лет, - говорит он. - Все было правильно. Правильный человек, правильное время, правильный формат, - замолкает, прочищает горло. - Я заботился, - продолжает. - Цветы, рестораны, поездки. Все как надо.

- То есть это она...?

- Да, - усмехается. - Я эту фразу, наверное, буду помнить

всегда. «Ты умеешь быть рядом, но не умеешь быть близко».

- Но...

- Она была права. Я не понял тогда, что она имеет в виду. Объяснил себе, что она слишком... много ждала. Что у нее завышенные ожидания...

Я моргаю.

- Я не хотел тебе ничего объяснять, - продолжает он, - не потому что люблю ее. А потому что увидел ее и подумал: вот человек, которому я не смог дать того, что она просила. И еще ее же и сделал виноватой.

- Но... может быть... ты просто не знал как...

- Может быть.

- И ты... все это время молчал... потому что думал об этом всем? С того вечера?

Пожимает плечами.

- И? – спрашиваю я.

- И я думал, - говорит он тихо, - что теперь я, кажется: знаю.

- Что изменилось? – сиплю, потому что у меня вдруг перехватило горло.

- Ты, - говорит он.

Одно слово, без пафоса, просто как факт. Я опускаю глаза и сижу с этим словом секунду, две. Оно теплое и неудобное одновременно - как когда долго мерзнешь и заходишь в тепло, и первые секунды почти больно.

- Макс, - говорю я наконец.

- Что.
- Ты понимаешь, что это... сложно.
- Понимаю.
- У нас договор.
- Понимаю.
- Никаких чувств, а потом развод...
- Соня.
- Что.

- Я понимаю, - говорит он. - Я не прошу тебя ничего решать прямо сейчас. Я просто... отвечаю на твой вопрос. Честно.

Я смотрю на него. В глазах усталость, губа закушена, руки сжаты.

«Он умеет быть рядом и не умеет быть близко», - сказала Вика.

Сейчас - он близко. Это видно. И это ему непривычно, сложно, может быть даже... больно? Как будто сделал шаг к пропасти.

- Я думала, - говорю я медленно, - что ты смотрел на нее тогда в ресторане так... как на меня не смотришь.

- Нет.

- Откуда ты знаешь, как ты на меня смотришь?

Пожимает плечами.

- Не знаю, - говорит он. - Но на нее - не так.

- Как - не так?

Он молчит секунду.

- Когда тыходишь в комнату, - говорит он, - я как будто перестаю думать о том, что делал.

Моргаю.

- Макс, - шепчу.

- Что.

- Ты сейчас...

- Да.

- Я не договорила.

- Я знаю.

Он встает из-за стола. Медленно. Идет ко мне - не торопясь, как человек, который принял решение и намерен его придерживаться. Останавливается рядом. Я смотрю на него снизу вверх.

- Макс.

- Что.

- Если ты сейчас сделаешь что-нибудь, - говорю я, - это уже не будет по договору.

- Знаю.

- И потом нельзя сделать вид, что...

- Знаю, Соня.

- Тогда зачем...

- Потому что, - говорит он, - я устал делать вид.

Он берет меня за руку. Просто - берет, как берут что-то, что давно хотели взять. Тянет. Я встаю. Но не потому что он тянет, а потому что сама! Мы стоим очень близко. Я чувствую его тепло. Не случайное «в обнимку во сне» из голу-

бой комнаты, а живое, настоящее.

- Я злилась, - говорю я.

- Знаю.

- Это было глупо.

- Нет.

- Макс...

Он прикладывает палец к мои губам, а потом наклоняется и... целует. Не резко. Не торопливо. Так, как делает все - точно и без лишних движений. Его рука у меня в волосах - теплая, осторожная - и я понимаю, что стою и не дышу.

Потом дышу.

И отвечаю.

Это длится секунду. Или минуту. Или вечность. Я не считаю. Когда мы отстраняемся - совсем чуть-чуть, на расстояние выдоха - я смотрю на него. Он смотрит на меня.

- Ну, - говорю я.

- Ну, - говорит он.

- Это было...

- Да.

- Мы не договорили.

- Договорим.

- Когда?

- Потом.

- Это не ответ.

- Соня, - говорит он тихо, - замолчи.

И целует меня снова. На этот раз - дольше. Его руки - обе

- у меня на талии, а моя рука - сама, я не планировала - оказывается у него на плече. Мы целуемся долго и сладко. И мне хорошо. Вот правда-правда очень хорошо. Но потом он отстраняется. Я открываю глаза. А он улыбается и чмокает меня в нос...

Потом мы сидим на диване. Я - с ногами, он рядом, его рука лежит у меня на талии - не обнимает, просто лежит. Как будто так и было всегда.

- Макс.

- Что.

- Договор, - говорю я.

- Что с ним?

- Там написано - никаких настоящих чувств. Пункт один. Молчание.

- Ты помнишь договор наизусть? - спрашивает он.

Я смотрю на него.

- Макс.

- Что.

- Это было нарушение пункта один.

Он смотрит на меня. Серьезно - секунду. Потом говорит:

- Да.

- И что теперь?

- Не знаю, - говорит он. - Но санкции применять я не планирую.

Я смотрю на него. Не буду применять санкции: просто, точно, без лишнего.

- Ладно, - говорю я наконец.

- Ладно?

- Ладно в значении: я тоже.

Его рука чуть сжимает мою талию.

За окном ночь.

Плющ на стене.

Пульт - на правом подлокотнике, на месте.

«Ладно», - думаю я еще раз.

И это слово сейчас означает совсем не то, что раньше.

Глава 15. Правдивый ужин

Бабушка звонит в половину двенадцатого. В смысле - дня. Не ночи. Хотя по ощущениям - ночи, потому что я только что легла досыпать после смены в студии, и телефон орет прямо в ухо.

- Соня, - говорит бабушка. Не «здравствуй», не «как дела». Сразу - Соня. - Я приеду сегодня вечером. На ужин.

- Сегодня? - тупо.

- В семь. Или в половину восьмого. Как получится.

- Нина Аркадьевна, мы могли бы...

- Я привезу пирог, хотя... нет, не привезу. Антонина Васильевна заболела, некому печь. Ты умеешь печь?

- Я...

- Хорошо, - говорит бабушка так, как будто я сказала «да».

- До вечера.

Гудки. Я лежу с телефоном в руке и смотрю в потолок. Сегодня. В семь. Или в половину восьмого. Как получится. Это на языке бабушки означает: в семь ровно, и горе тому, у кого не готово.

Макс не берет трубку - он на встрече. Отвечает через двадцать минут сообщением.

«Видел. Буду в шесть».

Я смотрю на сообщение. Видел. Не ничего страшного, не разберемся, просто - видел. Это у него означает: ситуация

принята, действуй.

- Ладно, - говорю я вслух. Плющу. - Ладно, не паникуем.

Плющ молчит.

- Правильно. Паника - это непродуктивно. У нас шесть часов. Это много. Это очень много. Можно приготовить целый банкет за шесть часов... Или хотя бы ужин.

Я встаю.

В магазине я хожу между рядами и думаю о том, что у меня даже плана нет. Есть список в телефоне, который я составила в метро и который выглядит так: курица? мясо? рыба? суп? точно нет! салат? что-то горячее? блины? нет, блины это завтрак! пирог!!

Пирог. Бабушка сказала про пирог. Значит - пирог.

Я умею печь пирог. Один. С яблоками. Мама учила, когда мне было лет двенадцать, и с тех пор я его пеку каждый раз, когда нервничаю. Это моя терапия и мой единственный кулинарный козырь.

Сегодня - нервничаю. Значит - пирог.

Набираю корзину. Курица для горячего. Пусть будет горячее! И... картошка- да. Дальше: яблоки, мука, масло, сахар, все остальное. На кассе обнаруживаю, что взяла два килограмма яблок вместо одного. Хочу сказать, чтобы один килограмм выложили обратно. Потом решаю - нет, пусть будет - на всякий случай.

Два килограмма яблок - это нормально. Это запас.

Дома начинается. Я готовлю так, как умею - то есть со

вкусом, с настроением и с полным разрушением кухни. Это неизбежно. Так было всегда: мама говорила, что я готовлю сердцем и локтями одновременно.

Курица в духовке. Картошка на плите. Пирог - в процессе, тесто уже месится, яблоки нарезаны, корицу я забыла. Но она нашлась у Макса в дальнем углу шкафа, немного слежалась, но запах есть.

Мука на столешнице. Немного на полу. Много на мне.

Кастрюля с картошкой булькает. Духовка пахнет курицей. На подоконнике - горшки с фиалками, они открылись сегодня утром, два новых цветка, фиолетовые - красиво рядом с этим всем.

Я кручусь между плитой, духовкой и столом, пробую, солю, мешаю. В наушнике играет что-то бодрое. Я подпеваю - тихо, себе под нос, потому что пою я ровно так же, как танцую: с душой и без таланта.

В общем - нормально. Все под контролем.

Макс приходит в шесть. Я оборачиваюсь от плиты. Он стоит в коридоре и смотрит на кухню. На муку на столе. На кучу мисок, кастрюль. На меня - с деревянной ложкой в руке, с белым разводами и волосами, которые я заколола карандашами.

- Все нормально, - говорю я.
- Я вижу.
- Это рабочий беспорядок.
- Это катастрофа.

- Макс, - указываю ложкой на табуретку. - Садись. Не мешай. Скоро пирог.

- Ты испекла пирог.

- Пеку. Он еще в духовке. Двадцать минут.

Он проходит на кухню. Смотрит на духовку - на стекло, за которым что-то золотится и пахнет корицей и яблоками.

- Яблочный? - спрашивает он.

- Единственный, который умею.

- Пахнет хорошо.

- Знаю.

Он садится на табуретку. Смотрит, как я толку картошку.

- Помочь?

- Убери муку со стола. Аккуратно. Там под ней - разделочная доска.

Он убирает. Находит доску. Кладет в раковину.

- Еще?

- Нарезь хлеб. Хлеб в пакете, нож в третьем ящике.

Приподнимает бровь - ну да, я указываю ему где лежат ножи. Дожили! Но ничего не говорит, берет пакет с хлебом. Нарезает хлеб ровно и аккуратно, как режет все. Я пробую соус, добавляю чуть соли, пробую снова.

- Макс.

- Что.

- Ты боишься бабушки?

- Нет.

- Я боюсь, - честно говорю я. - Немного.

- Почему?

- Потому что она все видит насквозь. И потому что мне...

- я с остервенением толку картошку, - мне важно что она думает. Это глупо, да?

- Нет.

- Она меня не одобряет.

- Она тебя изучает, - говорит Макс. - Это разные вещи.

Я смотрю на него.

- Откуда ты знаешь?

- Если бы не одобряла - у нее бы не задержалось. Там все однозначно.

Это правда. Это я уже выяснила опытным путем. Таймер на духовке пищит.

- Пирог! - говорю я.

Бабушка приезжает в семь ровно. Звонит в домофон - раз, коротко. Поднимается. Входит. Осматривает прихожую. Кухню. Там чисто - я все успела прибрать! Стол, который Макс еще раз протер на всякий случай, пока я снимала фар-тук. Фиалки на подоконнике. Плющ на стене.

Потом смотрит на меня.

- Пирог? - спрашивает она.

- Яблочный.

- С корицей?

- С корицей.

Она кивает. Одобрительно - это у нее почти незаметно, но я уже научилась. Садится во главе стола в гостиной. Мы

садимся сбоку. Макс разливает вино.

Ужин идет.

Бабушка ест аккуратно и с достоинством. Говорит про соседей, про черепах - в фонд поступило пожертвование из Бразилии, это важно. Спрашивает Макса про работу - он отвечает коротко, она слушает внимательно. Спрашивает меня про студию - я рассказываю про новый корпоративный заказ, который пришел через «Grand Soleil».

- Хорошо, - говорит бабушка. - Связи надо использовать.

- Я предпочитаю называть это партнерством, - говорю я.

- Называй как хочешь. Главное - результат.

Это, кажется, комплимент. Я принимаю. За окном темно. На столе горит свеча - Макс поставил, пока накрывал, я не просила. Хорошо получилось. Уютно. В какой-то момент Макс встает.

- Чай поставлю, - говорит он. - И пирог нарежу.

Уходит на кухню. Мы остаемся с бабушкой вдвоем. Я жду. Готовлюсь мысленно к вопросу про детей, или про пианино, или про что она еще придумает. Бабушка смотрит на свечу. Потом на меня.

- Соня, - говорит она.

- Да.

- Я поменяла о тебе мнение.

Я смотрю на нее.

- Я хотела для Максима правильную девушку, - продолжает она спокойно. - Из нашего круга. Тихую. Понятную, -

кивает сама себе. - А ты... Ты не правильная. Ты - другая.

- Я знаю, - говорю я.

- Но рядом с тобой он живой. - Она смотрит в сторону кухни, откуда слышно, как Макс гремит посудой. - Я давно не видела его живым. Макс... он и сам... очень правильный. Очень успешный. И... очень одинокий.

Я молчу.

- Так что, - говорит бабушка, - наверное, можно теперь и не умирать.

Я смотрю на нее.

- Как - не умирать?

- Ну, - она поправляет жемчужную нитку, - выздороветь.

- Что?

- Он тебе не говорил? – склоняет голову чуть набок, - Я ему сказала, что у меня диагноз и времени немного. Но, тьфу-тьфу-тьфу, - она стучит по деревянному подлокотнику кресла. - Я здорова как черепаха. Они, между прочим, живут до ста пятидесяти лет. Я планирую не отставать...

Глава 16. Жить долго и счастливо

В комнате тишина.

- То есть, - тяну я, - Вы не умираете.?

- Нет.

- Совсем.

- Совсем.

- Но Макс думал...

- Максим думал то, что я ему сказала, - говорит бабушка без малейшего смущения.

- Это была ложь, - говорю я.

- Это была педагогическая мера.

Я смотрю на нее. Она смотрит на меня. Абсолютно спокойно. С достоинством. Как человек, который принял решение, выполнил его и готов защищать при необходимости, но особо не беспокоится.

- Нина Аркадьевна, - говорю я.

- Что.

- Вы понимаете, что он...

- Обрадуется?

- Да, но...

- Послушай, Сонечка.

У меня падает челюсть – «Сонечка?!».

- Я много лет смотрела, как он строит свою идеальную жизнь. Ровную как... как бетонная стена. И мне захотелось

ее чуточку расшатать, - почти хихикает. - Черепахи, кстати, тоже так - яйцо не треснет, пока черепашонок его не расшатает.

Моя челюсть опять начинает стремиться к полу.

- Я не поняла, - откашливаюсь, - Черепашонок это вы или он?

- Это просто сравнение.

Из кухни слышны шаги. Макс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.